

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

От полотна Кустодиева
«Зимнее утро» исходит
феерический заряд радости и
жизнелюбия. У картины есть
свой ангел-хранитель,
и он мстит всем, кто жаждет
разбогатеть за ее счет...

Алина ЕГОРОВА

Ангел-хранитель

Алина Егорова

Ангел-хранитель

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=573515

Ангел-хранитель : роман / Алина Егорова: Эксмо; Москва; 2001

ISBN 978-5-699-46640-5

Аннотация

Сверкающий как бриллианты снег, золотой диск солнца, лихие кони, несущиеся по дороге... От картины невозможно оторвать восхищенный взгляд. Приглашенная в морское путешествие психолог Рената Борисова обнаружила ее на яхте, спрятанную в старой сумке Алексея Суржикова. Контрабанда? Но что же с нею делать?! Во время шторма Алексея смыло водой за борт... или ему кто-то «помог» упасть в море, ловко воспользовавшись обстоятельствами. Правда, спустя неделю он объявляется – живой и невредимый. Проходит время... Бывший подозреваемый по этому делу – Фианитов – найден в своей квартире... отравленным. И к этой смерти, похоже, имеет прямое или косвенное отношение та самая картина.

Алина Егорова

Ангел-хранитель

Сверкающий, как бриллианты, снег, пронзительно-голубое небо, расцвеченное полосками перламутра, золотой диск солнца, яркие пятна деревенских изб, лихие кони в колокольцах и бубенцах, несущиеся по ухабистой снежной дороге. На санях – укутанный в толстый тулуп, красный от мороза мужик. Казалось, что зима вот-вот вырвется из картины и обнимет зрителя своим холодом, осыпая его ворохом веселых снежинок; февральское коварное солнце поцелует янтарным лучом, мороз обожжет его ледяным дыханием...

От этой картины исходил феерический заряд радости и жизнелюбия. Когда десять лет тому назад мистер Паркер впервые увидел «Зимнее утро», он был навсегда им пленен. Тогда, на аукционе в Германии, где выставлялась эта картина, купить ее он не смог. Позже он узнал, что картина была передана в музей, и надежда заполучить ее у Паркера умерла. И вот недавно ему предложили ее приобрести! Хороший знакомый Паркера сообщил о некоем русском господине, который желает продать «Зимнее утро», – то самое, написанное рукой великого художника. Цену продавец назначил сравнительно невысокую. Даже с учетом процента, который брал знакомый за посредничество, стоимость полотна была невелика. Деньги у Паркера имелись, но дело было не

в них. За свою мечту коллекционер отдал бы многое. Откуда у русского картина, Паркер думать не желал, хотя и догадывался. Его страсть была сильнее всяких правил и букв закона. В последнее время он просто бредил «Зимним утром», с нетерпением ожидая, когда ему его привезут.

Мистер Паркер не мог предугадать, что путь к его мечте преградит стихия. Природа, словно воспротивившись его намерению обрести полотно, разразилась штормом и не позволила яхте с заветным грузом причалить к берегу.

* * *

Волны Малой Невки тихо перешептывались с причалом. Теплое июльское солнце, сияя и лучась, серебрило и золотило зеленоватую воду. Мягкой кошачьей поступью по рейду прогуливался зюйд-ост, заигрывая с парусами кораблей – широкими гротами, юркими стакселями и капризными спинакерами. В речном яхт-клубе к полудню опустело большинство швартовочных мест – погода благоприятствовала выходу в акваторию. Место стоянки «Графчика» тоже было свободным. Яхта покинула бон полторы недели назад. Она не кружила в спокойной бухте при яхт-клубе, не шла по фарватеру Финского залива и не искала ориентиры на Балтике. «Графчик» попал в шторм у шведских берегов, лишился мачты, части такелажа, был оставлен экипажем и дрейфовал в районе Аландских островов.

«Графчик» отчалил ранним утром в субботу. Его маршрут лежал до Ростока через Хельсинки, Стокгольм и Копенгаген. На обратном пути планировалось зайти в Гданьск, Балтийск, Ригу и Таллин. В поход отправились шесть человек, вернулись пять. Шкипера Алексея Суржикова сбило с палубы волной, и он исчез в бушующем море.

Экипаж «Графчика» допросили. Об Алексее Суржикове все отзывались с теплотой, словно тот был причислен к лику святых. Никто не скорбел по пропавшему шкиперу, но лица у всех были печальными, со следами безысходности и тоски. Впрочем, в стенах РУВД посетители с иными физиономиями встречаются редко.

Следователь Валентин Мостовой читал протоколы допросов и пытался разобраться в произошедшем.

Валерий Фианитов:

– Он был моим товарищем. Столько лет вместе!.. С института, потом работали... и все рядом, все плечом к плечу. Отличный специалист был, да и просто замечательный человек.

– Вы видели, как Суржиков упал за борт?

– Да, это произошло на моих глазах. Мы с ним паруса спускали. Качало неимоверно, мы еле на ногах стояли. Стаксель швыряло, только свист стоял, он, собака, за леер постоянно зацеплялся. Я остался на руле, а Леха на нос пошел, чтобы парус отцепить. Тут яхту в первый раз и тряхануло. Суржиков не удержался на ногах, его накрыло волной, и он

упал за борт. Я ему круг бросил, но какое там! Был очень сильный ветер, и круг отнесло в сторону.

Лариса Ивлешина:

– Где вы находились, когда Суржиков упал за борт?

– В каюте. Василий Василич мне велел... Сказал, чтобы мы с Ренатой не высовывались, так безопаснее. Потом раздался страшный треск – яхта наскочила на рифы. Мы с Ренатой едва успели выбраться. Алексея уже с нами не было.

Рената Борисова:

– Алексей – умный и начитанный, с ним было интересно. Но жесткий: иной раз скажет, как бритвой полоснет, и ему неважно, что человек при этом чувствует, главное, чтобы это было справедливо. В понимании Суржикова, разумеется. Нет, он никого специально не обижал, со всеми ладил. Совершенно не конфликтный человек. Он из тех, которые всем нравятся, но рубахой-парнем его назвать нельзя – закрытая личность.

– Кто из вас где находился во время шторма и что делал?

– Василич был занят рацией, он пытался установить связь, чтобы передать сигнал бедствия. Дима ему помогал. Суржиков с Фианитовым были наверху, на вахте. Можно сказать, что благодаря их усилиям «Графчик» продержался на плаву еще какое-то время.

Дмитрий Мохов:

– Суржикова я знаю недавно, но могу сказать, что он отличный мужик. Мы на «Графчике» познакомились. Меня

туда Василь Василич привел, мой двоюродный дядя.

Василий Малыгин:

– Неплохой парень был, морское дело знал, семь лет под парусом отходил. Камня за пазухой никогда не держал, говорил в глаза, что думал.

– Как так получилось, что вы напоролись на рифы?

– Не в рифах дело. Причина крушения – шторм. При таком ветре и волнах «Графчик» был обречен. Не надо было нам вообще на большую воду выходить, но решили рискнуть, думали, что успеем проскочить. Я вахту только сдал, выпил малость на сон грядущий...

– Когда вам стало известно, что яхта попала в шторм, что вы предприняли?

– Поздно уже было что-то предпринимать. Не разбудили меня сразу, а я после дежурства сплю как убитый. Проснулся, когда шторм уже начался. Так нас швырнуло, что все вещи к чертям собачьим посыпались, я с лежака слетел и головой о банку приложился. Мужики правильно сделали, что паруса спустили, только свернуть бы надо было с курса, тогда бы удар меньшей силы по нам пришелся и лодка уцелела бы. Что уж говорить: в том, что случилось с «Графчиком», полностью моя вина. И со шкипером... тоже я себя виню.

– Как вы считаете, то, что Суржиков не сумел забраться на борт, – случайность?

– Алексей отлично плавал. Когда он оказался в воде, волнение было приличным, но еще не критическим. Да и не

один он был наверху.

– Получается, что Фианитов мог его выручить, но не сделал этого?

– Не хочу на него зря наговаривать, но кто знает, как там все было на самом деле?..

С последним высказыванием капитана Мостовой не согласиться не мог. «Что верно, то верно, – размышлял он, – кто знает, как все было на самом деле?»

* * *

Антон Юрасов был зол. Почему, как «глухарь», так он обязательно достается ему? У него и так нераскрытых дел полно, и еще одно было совершенно ни к чему, особенно в свете того, что скоро намечалось подведение квартальных итогов, по результатам которых собирались начислить премиальные.

– Шубин тебе поможет. Потом еще кто-нибудь подключится, но, надеюсь, этого не понадобится – вы и сами быстро справитесь, – успокоил Атаманов.

Юрасов лишь криво усмехнулся, глядя на шефа, – майор, как всегда, мягко стелил, а вот спать-то придется жестко.

– К бабке не ходи – дело дрянь, – сокрушался Антон. – Все силы оно у нас вымотает, а толку не будет никакого – ляжет на полку к остальным нераскрытым и пылью зарастет. Жаль на него время тратить – занятие пустое и неблагодарное.

– Зато получишь бесценный опыт, – подбодрил Миша Костров. Старлей был загружен другими поручениями, и расследование дела Суржикова ему пока что не грозило. – Познакомишься с яхтсменами, яхтсменочками, будешь вращаться в кругу олигархов...

– Каких олигархов? – перебил его Юрасов. – В речном яхт-клубе бо€льшая часть парусников стоимостью как обычные «Жигули»! Разбившийся «Графчик» принадлежал клубу, команда его арендовала. Стоил он немного в силу своей дряхлости, да и класс не тот. Так что, слава богу, никаких олигархов, мне даже с банкирами не придется дело иметь. Эта братия держится особняком, их яхты сразу замечаешь: они просторные, белоснежные – не чета всяким там «Графчикам»!

Дело выглядело совершенно бесперспективным. Тело Суржикова так и не обнаружили, и поэтому его исчезновение убийством считаться не могло. «Потеряшками» их убойный отдел не занимался, но этот случай был особым. Яхта разбилась в водах другого государства, и благодаря журналистам событие получило широкую огласку. А тут еще визит премьер-министра Швеции в Петербург, на котором кто-то из представителей прессы упомянул о «Графчике». Почему не ищут пропавшего человека? «Российским властям нет дела до своих подданных», – с пафосом заявила акула пера, глядя на полпреда президента по Северо-Западному округу, принимавшего шведскую делегацию. Наша сторона тут же по-

обещала во всем разобраться и непременно найти шкипера с потерпевшей крушение яхты.

– Ненавижу журналюшек! – злился Юрасов. – Лишь бы скандал раздуть! Еще и дело на контроль поставили, словно этот Суржиков – пуп земли.

Поскольку троих членов экипажа – Фианитова, Ивлешину и Суржикова – связывало место работы – ОАО «Атриум», решили начать расследование именно от этой «печки». Анатолию Шубину пришлось подключиться сразу же. Юрасов с удовольствием сбегнул на его плечи допрос родни потерпевшего.

Людмила Суржикова производила впечатление типичной серой мыши: неброская, худощавая, одета немодно, но практично, на носу очки в тонкой оправе. Усталое невыразительное лицо, минимум косметики, светло-русые крашенные волосы гладко зачесаны и собраны на затылке в пучок. Алексей, судя по фотографиям, был видным мужчиной, и Людмила ему в этом отношении проигрывала. Шубин отметил, что рядом с такими, как Суржиков, обычно бывают более эффектные женщины, и если он не исключение, то наверняка имел любовницу. Эту мысль, из которой обещала родиться версия, Анатолий решил оставить на потом. А пока следовало допросить Суржикову.

– Людмила Александровна, если предположить, что кто-то из членов экипажа помог вашему мужу оказаться за бортом, как вы думаете, кто бы это мог быть?

– Даже не представляю. Я ведь никого из бывших в этом походе толком не знаю, лишь имена их слышала от Алексея. Кроме Фианитова, конечно, – с ним мы вместе учились. Капитан Василич, судя по отзыву Лешки, старый моряк. Незлобивый, надежный человек, из тех, кто всегда придет на выручку товарищу. Разве что выпить любит, ну, так не он один... Дима, если я не ошибаюсь, какой-то дальний родственник капитана. Это все, что я о нем знаю. Ивлешкина вроде в «Атриуме» работает. Но я никогда ее не видела и не имею о ней ни малейшего представления. О Борисовой слышу впервые.

Отзываясь о дамах, Людмила попыталась сделать равнодушное лицо, но это ей не удалось, и Шубину стало ясно, что она отнюдь не в восторге из-за присутствия женщин на яхте.

– Что вы можете сказать о Фианитове? Какие у них с вашим мужем были отношения?

– Они вроде бы приятельствовали и в то же время были конкурентами. Алексей считал Фианитова тупым и ленивым, ни на что не годящимся приспособленцем, который все блага получает легко, благодаря своим родственным связям. Оба поддерживали видимость добрых отношений, улыбались друг другу, могли вместе посидеть в компании, даже в поход пошли на одной яхте. Но при этом они были вечными соперниками. Фианитов не раз переходил дорогу моему Лешке. Ему незаслуженно доставались высокие должности, а Лешу всегда отодвигали на второй план. Последнее назна-

чение тому свидетельство: руководителем департамента должен был стать Суржиков, а не Фианитов.

– Почему вы так считаете? Это вам муж рассказал?

– И он тоже. Но это и так очевидно. Валера Фианитов – не дурак, но ума у него явно не хватает. Он всегда занимал чужие места. Его уровень не выше бригадирского, а он в руководство полез!

– Вы хорошо знаете Фианитова?

– Достаточно хорошо. Мажорик, он и в институт поступил лишь благодаря протекции. Никогда ничего не учил, занятия пропускал, но всегда у него все было зачтено. За это Фианитова в группе не любили – все трудятся, коллоквиумы с зачетами сдают, а он прохлаждается. Но он был не заносчив. Однажды пригласил всех на дачу своего дяди, отметить окончание летней сессии. Хорошо мы тогда погуляли: речка, шашлыки... Дача оказалась большой, как дворец, – всем места хватило. Никто из нас раньше на таких дачах не бывал. Мы с Лешей там и познакомились. Он был очень привлекательным парнем, веселым, на гитаре играл – душа компании. Девочкам нравился, и они ему тоже. Всегда он был бабником, – с грустью заметила Людмила. – После той вечеринки Фианитова слегка зауважали: мальчишки в свои компании его звать стали, и девчонки смотрели на него уже с бо€льшим интересом. Валера одно время даже за мной ухаживал. Но я выбрала Лешу. Он гораздо умнее и лучше, хоть и не был таким упакованным, как Фианитов.

– Суржиков учился вместе с вами и с Фианитовым?

– С Фианитовым они в одной группе учились, а я с ними

– на одном факультете, а группы – разные.

– После института вы с Валерием общались?

– Крайне редко. И то только потому, что они с Лешей вместе работали.

– Суржиков и Фианитов никогда близкими друзьями не были, но вместе учились и потом стали работать в одной компании? Любопытно...

– У Валерика, как обычно, оказалось все схвачено. Его дядюшка имел долю в «Атриуме», и, само собой разумеется, по окончании института Фианитов пошел туда работать, и сразу – на должность начальника отдела. Пусть маленького, всего из трех человек, но это был отдел. Сам он не мог со всем справиться и позвал к себе Лешу. Они были как бы на равных, но по иерархии Фиантов считался выше. В общем, всю основную работу за Валеру делал Суржиков. Так было не только в начале карьеры обоих, подобное положение вещей сохранялось всегда: Фианитова продвигали по службе, и он тащил за собой Суржикова, ибо без него не мог. Все прекрасно всё понимали, но предпочитали делать вид, что так и надо. Лишь год тому назад Алексею поручили руководство сектором, отдельным от епархии Фианитова. Они с Валерой впервые оказались на равных и стали явными соперниками.

– Как же Фианитов сумел обойтись без Суржикова в дальнейшем?

– Сложно, конечно, ему было, но он приноровился как-то. Валера хоть и не великого ума «мыслитель», но он находчивый и здорово умеет приспособливаться. Фианитов нашел помощника, на которого и перевалил львиную долю своей работы. Он, конечно, не Леша, звезд с неба не хватает, но парень старательный, худо-бедно справлялся.

– Вот что у нас получается. Классическая ситуация: два соперника – один умный, другой удачливый. Как вы считаете, Фианитов мог утопить Суржикова?

Людмила на мгновение задумалась и медленно произнесла:

– Нет, что вы! Валерка на такое неспособен. Да и вообще, я не верю, что Алексей погиб. Он обязательно найдется, только, прошу вас, помогите, пожалуйста!

Когда за Людмилой закрылась дверь, Анатолий Шубин с тоской посмотрел на подписанный ею протокол. Дело ему не нравилось: шкипера Суржикова погибшим не признали, но расследование приходилось вести, словно тот погиб. Заявление написала жена Суржикова, никак не походившая на убитую горем вдову. Впрочем, от счастья эта женщина тоже не светилась. Она была спокойной и печальной. Только эта печаль, как показалось Шубину, происходила не от горя, а от усталости. Суржикова отвечала на все вопросы спокойно, единственное, что ее встревожило, – это упоминание о женщинах на яхте. Ни та, ни другая – не яхтсменки, их взяли в поход просто для компании. Борисову пригласил Фианитов,

а Ивлешину кто позвал? По словам Ларисы, ее пригласил Суржиков. Не любовница ли она его? «Эта, пожалуй, вполне бы подошла на такую роль», – рассудил Шубин, вспомнив внешность Ларисы.

В то время, когда Суржиков упал за борт, рядом с ним находился Фианитов, и есть большие подозрения, что он не только не попытался спасти Алексея, но и поспособствовал ему оказаться в воде. Алексей – отличный пловец, парень он физически сильный, должен был суметь забраться на борт, но отчего-то не смог. Кто-то ему помешал, и этот кто-то – Фианитов, больше некому. Если же Людмила не кривит душой и ситуация была именно такой, как она тут расписала, то выходит, что вовсе не Фианитов должен был убрать Суржикова, а как раз наоборот. Фианитов и так давно был в «шоколаде», зачем ему-то дергаться?

Мало ли из-за чего Суржиков не сумел выбраться из воды! Некоторым стоит принять на грудь стакан, и они уже вообще недееспособны. Но Суржиков в пьянстве замечен не был. Тогда что? Наркотики – тоже нет... Его могли отравить! Не сильнодействующим ядом, а какой-нибудь легкой отравой, вызывающей слабость, как при простуде. В обычной обстановке от такого средства вреда никакого, и криминала – тоже: почувствует человек небольшое недомогание, отлежится пару часиков, и все пройдет; а вот в экстремальных условиях результат действия такого снадобья не хуже цианида окажется. О шторме знали все – он уже надвигался. Не надо

быть пророком, чтобы догадаться – шкипер окажется наверху в самый разгар бури. Оставалось только перед началом шторма накормить его какой-нибудь дрянью. А это мог сделать любой член экипажа... Анатолий вздохнул, сложил бумаги и, одолеваемый этими противоречивыми мыслями, отправился к следователю.

Валентин Мостовой, как обычно, был в прекрасном расположении духа. Он смотрел на монитор компьютера и активно стучал по клавиатуре, чему-то улыбаясь.

– Что же это ты, Толя, забыл незыблемое правило: кто шляпку украл, тот и тетку убил! В нашем случае получается – дядьку, но сути это не меняет, – сказал Валентин, выслушав Шубина. – Давай подумаем, кому выгодна смерть Суржикова? Чаще всего в таких ситуациях выигрывают родственники. А родственники у нас кто? Жена!

– Она же сама заявление написала. Если бы Людмила этого не сделала, то нам бы не пришлось сейчас Суржикова искать.

– Может, она шум подняла для отвода глаз? Такое часто случается, особенно когда есть что делить при разводе. Ты лучше скажи, в каких отношениях были супруги Суржикovy? Имелись ли любовные связи на стороне, как у нее, так и у него? Если в семье нет согласия, значит, там недалеко и до войны. А война – она и есть война, ничего хорошего от нее не бывает. Так что к дамочке этой приглядеться стоит...

Людмила вернулась домой. Когда-то любимая, уютная

квартира теперь угнетала ее своей пустотой. Она только сейчас по-настоящему ощутила свое одиночество. Казалось, даже плющ на окне поник из-за отсутствия Алексея. Кот Барсик уже не встречал ее у порога, как прежде, он лежал на диване и лишь лениво приоткрыл глаза, услышав шаги хозяйки.

Людмила присела рядом с Барсиком, откинувшись на спинку дивана. Ее рука опустилась на мягкую кошачью шерстку.

– Ты один у меня хороший, Барсенька, только тебе и можно верить.

Ее мучила неопределенность. В последнее время она жила с мужем, словно над пропастью висела – он стал совсем чужим, молчаливым, и казалось, что Алексей вот-вот примет какое-то важное решение, но он все тянул, а она – ждала, ждала и терзалась. Теперь, с исчезновением мужа, опора из-под ее ног ушла, Людмила словно полетела в пропасть, и этот полет изрядно затянулся. Тоска, страх, неизвестность: что будет дальше? Ни вдова, ни жена, ни разведенка... Пока что. Давно ей нужно было с ним расстаться, в тот самый день, когда она поняла, что его любовь к ней прошла. Потом все стало только хуже. Вечная тревога, подозрения, что он изменяет и скоро ее бросит. Людмила чувствовала, что она очень зависит от мужа. Страшно было стать разведенкой, остаться одной – ведь кому она будет нужна? С годами-то становится очень непросто выйти замуж, ой как непросто! Стро-

ить новые отношения? В ее возрасте это очень сложно, да еще неизвестно, какими они окажутся. Эта зависимость от Алексея подрывала ее доверие к нему, заставляла Людмилу за ним следить, копаться в его вещах, проверять телефон. Надо было контролировать каждый его шаг, держать руку на пульсе, чтобы не проморгать супруга. Людмила ненавидела себя – за то, что она стала так зависеть от мужа, и его – за эту зависимость, потому что невозможно любить того, от кого зависишь.

Двумя месяцами ранее

В уголке монитора мигало оповещение – пришло ICQ-сообщение. Лариса открыла его и слегка разочаровалась – как и следовало ожидать, писал Фианитов. Больше бы порадовало ее сообщение от Суржикова, если бы тот соизволил накропать пару строк, но он в последнее время писал ей крайне редко. Вздохнув, она ответила: «Иду». Взяла сумку и отправилась в соседний корпус, на обед.

Нельзя сказать, что Валерий ей нравился – его светло-карие глаза ни в какое сравнение не шли с удивительными глазами Суржикова, да и сам Фианитов был не таким, как Суржиков. Хотя он и старался держаться уверенно, Лариса не сомневалась, что это – просто маска, под которой скрываются чудовищные комплексы. На непосвященных его должность производит впечатление, но это всего лишь название. На деле от Фианитова проку мало, он – человек-место, и только. Все же он был неглуп, все понимал, от этого и мучился. Не

дал Бог ему блестящего ума, гибкой логики, стального характера, а вот родней влиятельной наделил и тем самым обеспечил ему блестящую карьеру.

– Лара, ты, как всегда, обворожительна, – произнес дежурный комплимент Фианитов. Он был обходительным, и это было то немногое, в чем он превосходил скупого на приятные слова Суржикова. Валера уже сидел за их любимым столиком около окна. – Я тебе заказал жаркое по-домашнему. Или ты что-то другое хотела?

– Нет, все как обычно, – меланхолично ответила Ивлешина.

Сегодня она чувствовала себя очень уж растерявшейся: из командировки вернулся Суржиков. Лариса без всякого интереса слушала болтовню своего кавалера и вяло ковыряла вилкой салат. Она чуть не уронила вилку, когда в зал вошел Алекс. Загорелый, подтянутый, элегантный. Окинув взглядом присутствующих, он направился к компании инженеров. Мимоходом коснулся взглядом Ларисы, и она почувствовала, как к ее щекам приливает кровь.

– Ты нездорова? – беспокоился Валера. – Ты это брось!

– Все нормально, – вымученно улыбнулась она. – Голова с утра болит. При смене погоды это обычное дело.

Фианитов тоже заметил вошедшего Алексея. Но, в отличие от своей спутницы, он отнесся к этому факту более спокойно, но не без досады:

– Генеральный Суржиковым не очень доволен. Филонит

в последнее время начальник сектора, видать, совсем сдал!

Лариса не стала комментировать его слова, лишь украдкой взглянула в сторону Алексея, который непринужденно беседовал с приятелями и выглядел слишком хорошо для «сдавшего». Высказывание Фианитова об Алексее были выдумкой лишь отчасти. В том смысле, что начальник сектора стал сдавать. Суржиков, как всегда, был в отличной форме и приподнятом настроении. Но шеф действительно в последнее время посматривал на него волком. И дело даже не в том, что Алексей допустил какую-то ошибку: генеральный был человеком настроения и ему запросто могла заскочить шлея под хвост. С некоторых пор ему стало казаться, что Алексей слишком уж вольготно себя чувствует в его компании – приходит на работу, когда ему вздумается, и отлучается неизвестно куда. И вообще, слишком много себе позволяет! Не стесняется высказать свое мнение даже ему, генеральному, возражает. Конечно, это неплохо – иметь достойного оппонента, но иногда такое положение вещей начальство бесит. Мог бы и промолчать лишний раз!

Фианитов был слабее в деловом отношении, но исполнительнее и прилежнее. Еще он был чертовски находчивым, умел выкручиваться из любой ситуации, был покладистым и никогда начальству не перечил.

– Расширение грядет, со всеми вытекающими. Генеральный собирается создать департамент, в который войдут все успешные направления работы. Планируется, что он будет

приносить основную прибыль компании. Ну и соответственно, в его развитие вложат немалые средства. Не трудно догадаться, что новым департаментом нужно кому-то руководить. На столь высокий и ответственный пост есть всего две кандидатуры. Первая – твой покорный слуга и Суржиков. Но Алекс – так, для фона. Всем ведь понятно, кого назначат.

«Да уж, кто бы сомневался! – подумала Лариса, бросив недобрый взгляд на собеседника, но промолчала. – Ты всегда будешь в фаворе. Жаль, что Алекса не назначат, он куда достойнее тебя».

– Скоро Суржиков попляшет, а то совсем распоясался, невесть что о себе возомнил, все под себя гребет! Вот так-то. Каждый сверчок знай свой шесток.

Он пустился в детальные рассуждения об организации управления компанией, но Лариса его уже не слушала – Валерий ей был неинтересен.

Алексей Суржиков в хрупкой душе Ларисы занимал особое место. Она и сама не заметила, как он туда просочился. Лара всячески себя убеждала, что Суржиков интересен ей исключительно как коллега и приятный собеседник, но ни в коем случае не как мужчина. Хотя бы потому, что Алекс женат. Ну и что, что он известный ходок «налево» и в связи с этим семья для него имеет номинальное значение! Это для других может быть не так важно, но только не для нее. Он женат, и этим все сказано. Но сколько Лариса ни пыталась себя обмануть, думала она о Суржикове отнюдь не как о кол-

леге, и хуже того, – вообще думала довольно часто. Если бы Алекс не заигрывал с ней, не очаровывал, не говорил ей ничего не значащих, но таких многообещающих слов, может, она и не увлеклась бы им. Для Суржикова эта была игра, затянувшая Ларису в капкан призрачной любви.

Когда два года тому назад Лариса пришла в «Атриум», Алексей сразу привлек ее внимание. Было в нем что-то, что выделяло его из толпы. Выше среднего роста, статный, широкоплечий, с военной выправкой, кареглазый шатен. Глаза у Суржикова были особенными: светло-карие, с зеленым оттенком – цвета спинки степной ящерицы. Взгляд прямой и пронизательный, на губах едва уловимая улыбка, демонстрирующая его отношение к жизни. Алексей говорил мало, неторопливо и лаконично. Голос у него уверенный, негромкий, что бы ни произошло – всегда невозмутимый. Алексей был ироничен и много шутил, любил, когда его слушали, и под настроение иногда вдавался в философские рассуждения. В подобном настроении Суржиков пребывал, когда в прошлом году они были на семинаре. Кроме Ларисы и Алексея, от «Атриума» в нем участвовали еще несколько сотрудников. В перерывах они болтали на светские темы. При этом он обаятельно улыбался и выразительно смотрел на Лару – так, что она смущалась.

В офисе царит запах кофе, там раздаются всевозможные звуки – клацанье клавиатуры, шуршание принтера, трели телефонных звонков, цоканье каблучков, голоса сотрудников.

Находиться в такой обстановке восемь часов подряд не так-то легко. Но она организует человека и не позволяет ему расхолаживаться. Явившись на работу, хочешь – не хочешь, а займешься делом. Не потому, что твой затылок сверлит суровый начальственный взгляд, тебя грызет совесть или на тебя давит чувство долга. Вовсе нет. Дело в другом – тебе становится жаль уже затраченных усилий. Стоило заставлять себя проснуться с утра пораньше и тащиться сквозь пробки через весь город, чтобы потом просто сидеть и ничего не делать! С тем же успехом можно побездельничать и дома. Начальство, конечно, не очень-то одобряет домашний труд, но иногда ведь можно на работу не приходить. Больным прикинуться, например. Системный администратор Андрюша Ядов иногда так и делал – не выходил на работу по причине «плохого самочувствия». Невысокий, жилистый, с бледным лицом интеллектуала, он производил впечатление болезненного молодого человека, но на самом деле Ядов обладал отменным здоровьем. Андрюша не любил суету и шум и был человеком весьма спокойным, неторопливым и незаметным: он почти всегда молчал и обычно сидел в своем уголке в наушниках. Казалось, его и вовсе нет; о системном администраторе вспоминали, лишь когда ломалась оргтехника. Его не принимали в расчет, когда что-то обсуждали, дамы, не стесняясь Андрюши, щебетали о своем, о девичьем – все равно ведь он не услышит, сидя в своих наушниках. Все считали, что Ядов не только ничего не слышит, но и не ви-

дит, а если это и не так, то все равно он не в счет, поскольку ни с кем не общается и никому ничего не расскажет.

В офисе всегда есть против кого дружить. Офис делится на группировки: пары, стайки, сообщества. Раздел производится по симпатиям, интересам, статусам, отделам и «против общих неприятелей». Сотрудников объединяют: сигарета, чашка кофе между перекурами, совместные походы на обеды и общий путь домой. В этом плане компания «Атриум» ничем не отличалась от других фирм: в ней тоже существовали свои кланы. Основных было два – кланы Суржикова и Фианитова. Суржиков был всегда с коллективом и в то же время – сам по себе. Его уважали и любили. Фианитов держал марку своего в доску парня, старался быть золотым червонцем, который всем нравится, и чем больше он старался, тем меньше это ему удавалось. Его плюсом были приветливость и, конечно же, родство с Аскаровым – одним из соучредителей «Атриума». К Фианитову примыкали те, кто был недоволен Суржиковым. Противостояние было негласным и почти незаметным. Казалось, его вообще не было, и Алексей с Валерой могли бы сойти за добрых друзей – они улыбались друг другу при встрече, жали руки, проводили вместе время и – друг друга ненавидели.

Многие благоразумно сохраняли нейтралитет, но симпатизировали Суржикову. Ядов не симпатизировал никому, он был вне офисной игры и предпочитал роль наблюдателя. У Андрюши были свои фавориты – особенно интересные в ка-

честве объектов наблюдения люди. Любимицей администратора была Лариса.

Лариса Ивлешина, старший менеджер отдела логистики, дама чуть старше тридцати лет, элегантная, сдержанная, порою – даже слишком. Она, безусловно, была красивой женщиной: балетная осанка, длинная шея, изящные руки, благородный овал лица, высокий лоб, прямой нос и светлые, как вода, глаза. Но эту красоту портил ее характер. Нет, Лариса не была прожженной стервой или откровенной сволочью, отнюдь нет, ее считали довольно-таки милой и доброй. Тем не менее с ней было нелегко. Она слишком много думала. Постоянно что-то анализировала: свои поступки, чужие; кто что сказал, почему он так сказал, что подумал... Лариса была ужасно озабочена собственной безупречностью: прическа, макияж, одежда, украшения – все должно было демонстрировать ее тонкий вкус и выглядеть идеально. Цвета – не броские, фасоны – строгие, макияж – умеренный. Ни одной лишней складочки, все наглажено, начищено, застегнуто на все пуговицы. Ей было важно, что о ней скажут окружающие, ведь у нее все всегда должно быть на «отлично». Лариса не жила, а словно бы ежедневно сдавала экзамен. В ее зачетке стояли одни «пятерки»: образование, карьера, дом, внешность. И только два предмета ей никак не давались – любовь и семья. Но она не опускала рук и верила, что когда-нибудь и по этим дисциплинам получит зачет. Только нужно потрудиться, еще и еще приложить старания. Без труда не выло-

вишь и рыбку из пруда, а любовь – тем более.

Ивлешина давно влюбилась в Суржикова и стеснялась своих чувств. Еще бы: что о ней люди подумают, если узнают! Вела себя с ним, как школьница: краснела, терялась, отводила глаза. Андрюшу забавляло наблюдение за этой парочкой. Суржиков держался уверенно, но тоже начинал нервничать, видя смущение Ларисы. Ларка ему нравилась, но закрутить с ней роман – боже упаси, при ее сложном отношении к жизни это слишком хлопотно. Уж лучше позаигрывать с Катей: и приятно, и никто ничего не просечет – с ней все заигрывают.

От зоркого взгляда «админа» не ускользнуло, как при этом злилась Ивлешина. Стоило только Суржикову улыбнуться секретарше, как Лара зеленела от ревности. Катя – беззаботное, веселое существо, яркая, как цветок, и легкая, как бабочка. Живет сегодняшним днем и радуется жизни. Полная противоположность Ивлешиной. Вот у кого бы Ларисе поучиться легкости! Тогда была бы полная гармония.

Такие мысли рождались в голове системного администратора, когда он смотрел в сторону окна, где трудилась Лариса. От Андрюши не ускользала ни одна деталь, хотя со стороны казалось, что он абсолютно равнодушен к происходящему вокруг него и полностью погружен в свой цифровой мир.

Мягкий оранжевый свет заката словно бы кошачьей поступью проник через широкие окна мансарды и заполнил комнату. Лариса расслабленно сидела в мягком кресле. Приняв ванну с душистыми травами, она обычно надевала пушистый махровый халат и приходила сюда, чтобы отдохнуть. Лариса закрывала глаза и мысленно уносилась в свой сказочный мир. Там были красивые дома и люди, там она носила элегантные платья и была королевой... По какому-то нелепому недоразумению она вынуждена ходить на работу и соблюдать массу условностей и правил. Например, собирать волосы в пучок или ограничивать себя в использовании декоративной косметики; сдерживать эмоции и разговаривать официальным тоном. Все эти ограничения Лариса создала для себя сама. Она это понимала, но ничего не могла изменить. В ее голове откуда-то взялись незыблемые аксиомы: как все должно быть. Офис – это офис, и в нем нужно придерживаться определенной линии поведения. Яркий макияж и вольная одежда – для вечеринки, а очень яркий образ – для карнавала. И все, никаких отступлений. Одна из прабабушек Ивлешиной была воспитанницей Смольного института благородных девиц, и от нее Ларисе достались безупречный вкус и хорошие манеры. Лариса была наполовину немкой, что отразилось на ее характере: дисциплина и аккурат-

ность превалировали над всеми прочими чертами натуры. Но она была очень сложной личностью, состоявшей словно бы из двух половинок. Вторая ее половинка была смелой и дерзкой, но этой второй своей сущности Лара боялась и старалась ее спрятать поглубже.

Лариса любила красивые вещи и старалась себя ими окружить. Все в ее квартире было подобрано со вкусом: занавески зелено-морского оттенка, обои – цвета плодов лайма, изящные люстры, зеркала. Ничто не нарушало общей гармонии, и, боже упаси, нигде не было никакого хлама. Квартира Ларисы считалась не просто элитной, здесь, на Крестовском острове, жилье было экстра-класса, и позволить его себе могли лишь очень состоятельные люди. Менеджер по логистике Лариса к таковым не относилась. Не была она супругой или хотя бы экс-супругой какого-нибудь олигарха, как и дочь богатых родителей. Лариса всегда хотела жить на Крестовском острове – в городском оазисе процветания. И всегда мечтала именно о такой квартире: двухъярусной, с мансардой, окна которой выходят на юг, чтобы как можно чаще видеть солнечный свет. Еще ютясь в коммуналке, она присматривала предметы интерьера для своей будущей квартиры на Крестовском. Ходила по залам торговых центров и представляла, что она куда поставит и какие обои поклеит на стены. Это было своеобразным развлечением – ощущать реальной свою еще не воплощенную в жизнь мечту. Как некоторые люди проживают жизнь героев сериалов или

книжных романов, так и Лариса «проживала» свои грезы. Ей просто повезло с обстоятельствами: в то время, когда она получила в наследство сразу две квартиры своих родственников, в стране происходило черт знает что. Лариса очень удачно совершила несколько сделок с недвижимостью, в результате чего смогла-таки переехать на Крестовский.

Ее соседями стали теперь банкиры, политики, артисты – все очень высокомерные и закрытые люди. Как кого зовут, Лариса не знала. Снобизм был обычной чертой обитателей их жилого комплекса. Подруга Лары как-то раз завистливо протянула: «Ты теперь в таком шикарном обществе вращаешься, что легко найдешь себе выгодную партию!» В представлении подруги все было просто: банкиры и режиссеры должны табунами виться вокруг Ларисы – только потому, что та живет по соседству. Как же! Каждый – самодостаточен и сам по себе: соседей замечать не принято, что в принципе было сложно – ввиду того, что мест, где можно было бы встретиться с соседом, имелось крайне мало. Во двор жильцы въезжали на своих автомобилях, далее – напрямик в подземный гараж, откуда они на лифте попадали на свой этаж. На этажах размещалось преимущественно по одной квартире. Лариса обзавелась автомобилем сравнительно недавно. Раньше она ходила пешком, отчего ее считали прислугой – только эта каста не имела здесь машин. С приобретением «Калины» ее статус в глазах соседей немного повысился – теперь она в их глазах стала состоятельной прислугой. А Ла-

рисе было все равно. Свою машинку она любила и радовалась, что теперь может обходиться без общественного транспорта.

Ее раздражала молоденькая свистушка, секретарша «Атриума», Катя. Бесила Катина манера развязно держаться и говорить, одеваться, словно для ночного клуба, а не для выхода на работу. «Шла бы туда официанткой, ей там самое место», – злобно думала Лариса, наблюдая, как Катерина фланирует по офису в предельно короткой юбке. Суржиков очень лоялен, да и Фианитов тоже. Им-то как раз разнузданный стиль по душе – они оба «любители». Только на длинные ноги и смотрят, а что там в голове у Катьки, их не интересует. Сама Лариса тоже, между прочим, отнюдь не дурнушка – стройная, изящная, лицом вполне вышла – в общем, все на месте. Только не станет она оголяться и красоту свою напоказ выставять, как на ярмарке! Прежде люди должны оценить ее ум, тонкий вкус, духовность. А кому нужна лишь внешняя оболочка, те ей, Ларисе, не чета. Пусть идут стороной, ищут пустышек вроде Кати. Этим размышлениям она предавалась всякий раз, когда видела очередного поклонника возле Катерины. Внешне Лариса была спокойна, и лишь по тому, с какой силой она стучала по клавиатуре, можно было безошибочно определить: менеджер раздражена. О том, что эта была обычная ревность, Лариса не хотела и думать. Ревновать к Катьке?! Да кто она такая? Пигалица с одной извилиной! Тем не менее и Фианитов, и Суржиков вились не

вокруг умной, начитанной Ларисы – они заигрывали с Катей.

«Я спокойна, я очень спокойна. Мне нет никакого дела до Суржикова и Фианитова, а до этой мартышки Катьки – тем более». Лариса печатала договор, с силой ударяя по клавишам. Вне себя от ярости, она была готова разрыдаться от обиды. То, что руководство едет на Валаам, она знала, но новость, что в поездку возьмут и Катю, повергла ее в ступор: «Кто она такая, эта Катька? Какая-то секретарша с куриными мозгами, и почему едет именно она?» Впрочем, на этот вопрос Лариса ответ знала, отчего ей было особенно тошно. Если бы взяли не Катю, а кого-то другого, пусть хоть уборщицу бабу Свету, Лара бы и не подумала расстраиваться, но Катя... Она будет там развлекаться, за какие такие заслуги, спрашивается?! Ведь это она, Лариса, превосходно знает французский и прекрасно бы справилась с ролью переводчицы, если Суржикову вообще нужна переводчица, а не подруга для развлечений. При этой мысли ревность вспыхнула в ней с новой силой. Ее лицо покрылось пятнами румянца, в правом виске запульсировала боль, предвещающая мигрень. Ивлешина откинулась в кресле и закрыла глаза. Она мысленно увидела бесшабашное веселье на ночной палубе, хмельного Алексея и ненавистную Катьку в блестящем коктейльном платье. Катька беззаботно смеялась и висла на Суржикове, как обезьяна на кокосовой пальме.

Думать об этом было невыносимо. Лариса с силой хлопнула ладонью по столу так, что обратила на себя внимание

присутствующих.

– Мошки развелись, – пояснила она, улыбаясь.

Наблюдая эту картину, Ядов поражался поведению Ивлешиной. Вроде не глупая тетка, а изводит себя из-за ерунды. Суржиков предпочел Катку – это даже не смешно. Катя – мотылек-однодневка, яркая, легкая и пустая, увлечение на час. Мужикам такие нравятся, поскольку отношения с ними необременительны. Они – как вспышка света, как праздничный фейерверк в ночном небе. Неужели Лариса не понимает, что она – это она, единственная и неповторимая, и сама по себе она – уникальна? Она себя накручивает, занимается самокопанием, ищет в себе изъяны и обязательно их найдет, а потом будет страдать из-за своего несовершенства. Плюнула бы давно на Суржикова, оглянулась бы вокруг и непременно нашла бы себе достойного мужчину. И почему тетки такие дуры? Что хорошего сделал для нее Суржиков, чтобы так на нем заикливаться? Никогда не предложил ей свою помощь, не проявлял к ней внимания, даже полкомплимента не соизволил вымолвить в день ее рождения – и не узнал бы о нем вообще, если бы ему не напомнили. Разве что однажды одарил Ивлешину лучезарной улыбкой, так на это каждый горазд. Фианитов в этом плане немного лучше: он учтив, вежлив, но он тоже не стоил внимания.

– Курировать направление будет Фианитов, – объявил гендиректор. Он произнес это равнодушно, даже как-то обреченно, и тут же перешел к обсуждению других вопросов.

Для Фианитова с этого момента время словно бы остановилось. Он самодовольно заулыбался. Ему хотелось подняться с места и раскланяться, словно он артист, получивший «Оскара», хотелось, чтобы это сладкое мгновение длилось как можно дольше, чтобы как следует его посмаковать. Но акцентировать внимание на его назначении никто не стал, и Фианитову пришлось остаться на своем месте и радоваться своему успеху в одиночку. Генеральный что-то вещал про новые обороты и про необходимость выиграть тендер, но его слова до Валерия долетали едва-едва. Он сидел с видом ярмарочного удалыца, сорвавшего со столба призовые сапоги, и в десятый раз прокручивал в голове заветную фразу: «Курировать направление будет Фианитов». Вот они, самые важные слова, прозвучавшие на этом совещании! Именно с них нужно было начинать, а не откладывать эту новость напоследок. Все остальное – к черту! Кому интересен доклад по текущим делам, какой-то тендер и обсуждение бюджета проекта? Его назначили, и это – самое главное!

Фианитову не нужно было видеть лицо Суржикова, чтобы знать, как тот сейчас расстроился. И не просто расстроился

– он возмущен, взбешен и раздавлен. Суржиков проиграл в поединке, и его выносят на щите. Валерий чувствовал, как злится его соперник и нервно трясет ногой. Алексей тряс ногой, только когда был особенно зол, и сейчас Фианитов заметил, как мелко вибрирует кресло Суржикова.

Фианитов торжествовал: сегодняшнее назначение было не просто получением престижной должности, это была победа – значительная и очень для него важная. «Курировать направление! – щебетали в его душе ангелы. – Курировать направление! – вторили им телефоны громким перезвоном. – Курировать направление будет Фианитов». – Эти слова шефа были для него самыми желанными и звучали небесной музыкой. Даже солнце подмигнуло ему золотым глазом, радуясь его успеху. Это стоило отметить, и Валерий намеревался отправиться в ресторан. Он знал, кого пригласить. Для такого события компания Ларисы Ивлешиной идеальна. Она не просто красивая женщина, с которой приятно провести время. Лариса давно запала на Суржикова, и если он ее уведет у соперника, получится просто замечательно. Врага надо превзойти во всем!

К его великому сожалению, Лара от похода в ресторан отказалась:

– Сегодня я не могу.

– А завтра? – спросил потухшим голосом Валерий. Ему не понравилось, что все идет не так, как он задумал.

– И завтра тоже. У меня курсы английского.

– Их никак нельзя подвинуть? Хотя бы на часок.

– Нет, – покачала головой она.

Не надо было обладать железной логикой, чтобы понять: дама его попросту динамит. Не хочет Ивлешина с ним никуда идти, и его назначение ей не по душе. Наверняка ведь, если бы ее пригласил Суржиков, она пошла бы с ним и никакие курсы ей бы не помешали. Опять Суржиков! Вечно он под ногами путается. И что в нем бабы находят?

Эти его размышления нарушил телефонный звонок.

– Валера, привет! Я бы хотела с тобой встретиться. Сегодня вечером ты свободен?

– О! Как удачно! – обрадовался он: компания для праздничного ужина нашлась, и она была весьма подходящей.

Людмила Суржикова, жена его заклятого врага, пожелала с ним встретиться.

Они договорились посидеть в ресторане «Милан» на Фонтанке. Валера предложил за ней заехать, но Людмила отказалась.

– Я сама приеду. Мне так удобнее.

Люся, не торопясь, пила кофе и затягивалась сигаретой. Она закинула ногу на ногу и, кокетливо щуря один глаз, смотрела на собеседника. Перламутровая помада, такой же маникюр, неброский макияж, узкая юбка с разрезом, серебристый шелк блузки с небрежно расстегнутыми верхними пуговицами – все это производило на Валеру нужное впечатление. Людмила знала, что все еще интересна Фианито-

ву, даже спустя почти двадцать лет. Конечно, она потеряла прежнюю свежесть и красоту юности, но была еще хоть куда. Люсю сильно молодила ее стройная фигура, но усталость и печаль, которую никак не удавалось скрыть, ей добавляли годы. Она пыталась изображать беззаботность, улыбалась, но внимательный Фианитов сразу определил, что все это наигранно. «Плохо бабе, не живет с мужем, а мучается. Какую девку сгубил, – подумал он о Суржикове. – Прямо-таки антипод царю Мидасу – тот все, к чему ни прикасался, превращал в золото, а этот, наоборот, – все портит».

Как хороша была Люся на первом курсе, когда он впервые ее увидел! Огромные серые глаза, остренький носик с веснушками, высокие скулы, золотистые кудри, разбросанные по плечам. Она смеялась, как колокольчик, и от этого залихватистого смеха замирало сердце. Валера не смел к ней подойти, лишь издалека наблюдал за ней на переменах. Или утром поджидал ее у метро, чтобы идти за ней в институт. Он боялся с ней заговорить – уж очень она ему нравилась.

Фианитов, приглашая Людмилу в этот итальянский ресторан, собирался ее угостить ужином, но она заказала только кофе. «Продолжения не будет», – разочарованно констатировал про себя Валера. Когда ему днем внезапно позвонила Суржикова и предложила встретиться, он раз мечтался, что на этот раз, возможно, удастся ее соблазнить. Сама Люся ему была не нужна – от былых трепетных чувств к ней не осталось и следа, они ушли вместе с ее прежним обли-

ком хорошенькой студенточки, но ему нужна была победа над Суржиковым. Валерий представил, как позеленеет его соперник, когда узнает, что Люся изменила мужу с ним! Он бы многое отдал, чтобы посмотреть на эту картину. Но Людмила пришла на свидание все за тем же – разузнать, как ведет себя ее благоверный. Она осторожно задавала вопросы по поводу предстоящей командировки мужа. Поездку на Валаам командировкой назвать можно было лишь условно: планировалось развлекательное турне, устраиваемое партнерами для укрепления деловых связей. В программе, кроме семинара, – фуршеты, танцы, пьянки, в общем, весь развлекательный набор.

– Вы туда вдвоем едете? – как бы невзначай поинтересовалась Люся.

«Не повезло бабе, – снова посочувствовал ей про себя Валерий. – Приходится следить за неверным супругом и переживать по поводу его походов».

– Да, только нас отправляют. – Про Катю Фианитов решил не говорить, чтобы Людмила не волновалась.

– Скучно вам будет, наверное, без женского общества?

– Работа вообще не располагает к особому веселью.

Возвращаться домой на метро Людмиле не хотелось, было уже довольно поздно. Она согласилась, чтобы Валерий ее подвез.

– Только во двор не въезжай, – попросила она.

Совершенно незачем, если муж увидит ее, выходящую из

машины Фианитова. Ревновать к Валерию Алекс, конечно же, не будет – ему и в голову такое не придет, но может догадаться, для чего они встречались, поймет, что его пасут. Людмиле было противно следить за мужем, еще противнее ей было бы в этом признаться, но ничего поделать она не могла – лучше знать о беде заранее и быть к ней готовой.

Людмила осторожно переступила порог своей квартиры. Она чувствовала себя немного виноватой перед мужем. Он был уже дома, судя по доносившимся из гостиной звукам футбольного матча, а она шляется неизвестно где. Людмила его предупредила, что заедет к подруге, поэтому оправдываться перед Алексеем за свой поздний приход ей не требовалось. Алекс, как ей показалось, ничуть не расстроился, даже не вышел ее встретить.

– Ты ужинал? – спросила она, заглядывая в комнату.

– Да, спасибо, все было очень вкусно, – ответил он, не отрываясь от экрана.

* * *

Его терзали страх и неуверенность – как руководить департаментом, Валерий не знал. Он был отличным иллюзионистом, умел создавать видимость работы и собственной значимости. Порученное ему направление было очень ответственным. Вместе с эйфорией оттого, что ему удалось в очередной раз обскákat Суржикова, его душу грызла трево-

га. Он знал, что эта работа ему не по плечу. Одному с ней не справиться, придется искать толкового помощника, который, по сути, и будет всем заниматься. Это ему было не впервой: Фианитов всегда так делал – перекладывал свои дела на чужие плечи. В этот раз все сложнее – простая рабочая лошадка не подойдет, тут нужен человек умный, организатор, способный видеть ситуацию целиком. Такие, как правило, уже неплохо устроены благодаря своим мозгам, и предложение сменить работу для них должно прозвучать очень заманчиво. И, главное, где такого найти? На примете у Валеры никого не было. Но пока Фианитов об этом думать не хотел – сейчас у него праздник тщеславия, на который он имеет полное право. Леший с ним! «Прорвемся, не в первый раз», – приободрил он самого себя, в душе очень сомневаясь, что это возможно.

Кто бы знал, как ему трудно жить такой жизнью, где все заранее за него спланировано и решено! Английская школа, куда попасть мог не каждый желающий, – пожалуйста. Институт – вот он, на тарелочке, даже особо напрягаться не надо, чтобы диплом получить, только появляйся там иногда. Работа тоже выбрана – компания дорогого дядюшки. Карьера расписана на долгие годы вперед, живи и наслаждайся. Любой другой ему позавидовал бы и сказал, что он с жиру бесится. Только не его все это: иностранные языки он терпеть не мог, электроника, которую он изучал в институте, стояла Фианитову поперек горла, и от поставок оргтехники

у него скулы сводит.

Валера с детства мечтал стать энтомологом. Обожал стрекоз, бабочек, кузнечиков, отлавливал всевозможных мух, жуков и гусениц, мог часами наблюдать за муравейником. Этот микромир казался ему совершенством: слаженный механизм, где каждый знает свою роль и неукоснительно ее выполняет. После школы он совершил робкую попытку поступить на биологический факультет: отнес документы и стал готовиться к экзаменам. «Не майся дурыю, – строго сказал ему отец. – Экзамены ты провалишь, а если и нет – все равно, не поступишь. В Большой универ так просто не попадают. Туда идут либо с отличными знаниями, которых у тебя отродясь не было, либо с нужными связями, сдобренными приличной мздой. И вообще, что за дурацкий выбор – биология? Кем ты станешь? Школьным учителем или, в лучшем случае, младшим научным сотрудником НИИ Гриппа. Вот что, не пори горячку. Завтра забираешь документы и подаешь их в институт водного транспорта. У дяди Геры там все на мази».

Сопrotивляться железной воле отца было бесполезно – все равно последнее слово останется за ним. К тому же пугала и перспектива загреметь в армию. Вдруг он не поступит или вылетит не доучившись? В армию Валера идти категорически не желал, служба – не для его нежной психики, к тому же она противоречит его пацифистским убеждениям. Немного поартачившись, он внял доводам родителя и сде-

лал все так, как за него решили. Поступив таким образом, Валерий со спокойной совестью переложил ответственность за свою дальнейшую жизнь на других – он их послушался, поэтому, если что, виноваты будут они.

Учился Валера через пень-колоду, ходил с вечной кучей хвостов, с незачетами, двойками, пересдачами. Там спишет, тут ему повезет, где-то помогут, где-то закроют глаза. На худой конец, имелась тяжелая артиллерия – дядюшка Гера. Фианитов знал: в случае чего влиятельный родственник за него похлопочет и из института его не отчислят.

На пятом курсе Валерик уже работал в «Атриуме» заместителем начальника склада. Работал – громко сказано: он появлялся в компании от силы пару раз в неделю. Но никто и не возражал, все понимали: юноша готовится к защите диплома, и, главное, он – родственник Аскарова, и этим все сказано. Тем более что толку от молодого специалиста все равно не было. Очень скоро уволился начальник склада, и его место занял Фианитов. Должность небольшая, но, при умелой организации дела, денежная. Тут Валера вспомнил про Суржикова. Алексей не заставил себя долго уговаривать и принял предложение.

Прошрое столетие, 20-е годы

– Тебе хорошо, у тебя жена, дети, дом превосходный. Тебя все любят. А у меня что есть? Ничего! Детьми я не обзавелся, любимая женщина ушла, дом... Эх, разве это можно назвать домом? Конура собачья, не то что у тебя. – Он тоск-

ливо окинул взглядом уютный домик с палисадником.

Дом Кустодиевых и вправду был замечательный: небольшой, аккуратненький, с блестящей на солнце крышей, резными ставнями и милым крылечком. Во дворе деревянный стол под рябинами, за которым так приятно собираться за обедом в летний день.

Митяй отхлебнул сладкого чаю из высокой фарфоровой чашки, надкусил румяную булочку с повидлом.

Дмитрий Артемьев забрел в этот гостеприимный двор не случайно. В последнее время его со страшной силой одолевала тоска, и хотелось выговориться, излить душу, но подходящего слушателя не было. Необходим был мудрый, душевный человек, понимающий толк в жизни. Единственным таким человеком для Артемьева оказался Борис Михайлович Кустодиев.

Они познакомились три года тому назад, на заводе, где трудился Митяй. Его поздравил бригадир и представил художнику. Митяй снял грязную рабочую рукавицу и протянул широкую лопатообразную ладонь. Кустодиев смотрел на него с интересом, словно разглядывал, что потом оказалось правдой, – мастер подыскивал натурщика для создания образа молодого рабочего. Дмитрий подходил идеально: открытый взгляд, славянское лицо с высокими скулами и плотно сжатыми узкими губами, прямой нос и упрямый подбородок – не боголепный красавец, но и не урод. Словом, то, что надо. Позировать Артемьев сначала наотрез отказался,

но Борис его уговорил. Очень уж приятным и интересным человеком был Кустодиев. Умным, образованным и бесконечно добрым. Он, словно солнце, согревал людей лучиками своего обаяния, его хотелось слушать бесконечно долго, и Дмитрий, немного поломавшись, согласился.

Работа над картиной давно закончилась, и надобность в позировании отпала. Но Артемьева тянуло к живописцу, и он попросил разрешения навещать его просто так. Кустодиев не возражал, он был всегда рад гостям, а Артемьев, ко всему прочему, ему еще и нравился – чувствовался в этом молодом человеке некий внутренний стержень, были в нем упрямство и воля к победе. Борис знал: окажись тот в жестких условиях – непременно выживет. Пока жизнь его по-настоящему не стукнула пыльным мешком, он хандрит. Случись настоящая беда, и можно не сомневаться, Артемьев себя проявит, такие ни в огне, ни в воде не пропадают.

Борис, как всегда, был бодр и весел, он шутил и смеялся. Он умел превратить обычный день в яркий праздник, потому что сам был человеком-праздником. Никто не видел художника в печали, унылое настроение – не для него. Его озорные глаза светились радостью, и казалось, от него исходит солнечный свет. А юмор! Каким тонким чувством юмора он обладал! Борис острил, всех смешил, разыгрывал, и все его шутки были исключительно добрыми. Домочадцы его боготворили, друзья обожали, его дом всегда был полон гостей. «Счастливейший человек, – говорили о Борисе. – Талант, слава,

жена – умница и красавица, прелестные дети. Дай бог такую долю каждому!»

И никто не знал, как тяжело бывает художнику, как он мучается от боли. Всем, конечно, было известно о его болезни – паралич ног, приковавший его к инвалидному креслу. Но Борис Михайлович всегда выглядел таким жизнерадостным, что окружающие не воспринимали его недуг как трагедию. Он ни разу и словом не обмолвился о своем плохом самочувствии и другим такого не позволял, при любых обстоятельствах он делал вид, что здоров. И только жена Юлия знала, как он страдает. Нет, Борис ей ни в коем случае не жаловался – просто она тонко чувствовала его состояние и всячески старалась поддержать мужа, при этом умудрялась ничем не выказать своей посвященности в его болезнь. В их доме это было негласным правилом: ни слова о болезни. Все должны вести себя так, будто глава семейства здоров.

«Ну и что, что он инвалид, зато его любят, – размышлял гость. – Да если бы меня так любили, я бы не задумываясь отказался от своих ног! Что толку от здоровья, когда жизнь такая паршивая – хоть в петлю лезь от беспросветной тоски».

Дмитрия Артемьева никак нельзя было назвать человеком, обделенным судьбой: он из рабочей семьи, одет, обут, среднего росточка и внешности, звезд с небес не хватает, но и не дурак – в общем, не хуже других. Выбился в бригадиры, комнату получил в бараке, на заводе ему – почет и уважение. Молодой, здоровый мужчина, девки на него заглядыва-

ются, казалось бы, жить да радоваться. Но все время ему чего-то не хватало для счастья. Все вроде бы хорошо, но всегда находилось что-нибудь, портившее ему жизнь. Это «что-то» не было чем-то катастрофическим – так, мелкие неприятности. Но Митя был упрямым пессимистом и не мог радоваться жизни, пока в ней существуют недостатки. Он вечно был не в духе и ходил с унылой физиономией.

– Погода хорошая, – говорили ему.

– Надолго ли? Вон, тучи надвигаются, – возражал Митяй.

– По нашей улице трамвай пустили, теперь до дома добираться будет удобно.

– Это вряд ли. Для нашего большого микрорайона это не панацея. Народу набьется в салон – не влезть! Если просочишься, то тебе все пуговицы оторвут и костюм помнут. Так что от трамваев только хуже станет. К тому же они ходят крайне неаккуратно. И грохоту от них, как от железнодорожного состава.

И так – во всем. Что бы ни произошло, Артемьев всюду мог углядеть какой-то негатив.

К слову сказать, несмотря на свою угрюмость, он был неплохим парнем: надежным и ответственным. Была у него невеста, Ниночка, барышня симпатичная и немного взбалмошная. Ниночке пошел двадцать шестой год, а замуж ее никто не звал, пока на горизонте не возник Митяй. Ради нее он готов был на все – уж очень любил свою ненаглядную. Нина влюблена была в меру, но выйти за Артемьева согласилась.

«Еще пара лет, и я совсем стану никому не нужна», – рассуждала она. И вот, почти перед самой свадьбой, сработал «закон бутерброда»: то пусто, то густо. У Нины появились сразу два поклонника, один лучше другого. Она уже свысока посматривала на Митю, но свадьбы не отменяла – мало ли что? Может, эти двое ее поматросят и бросят, а у Митьки намерения серьезные. И все же они не матросили. Один из них, правда, оказался женатым, но это Ниночку ничуть не огорчило, она была увлечена другим: статный офицер был невообразимо хорош собой и обещал ей небо в алмазах. Нина соблазнилась и сбежала из-под венца, оставив недоумевающего жениха.

Митяй не сразу понял, что произошло. Его логика отказывалась воспринимать поступок невесты – ведь еще утром Нина клялась ему в любви и восторженно крутилась перед зеркалом в новом тюлевом платье, а днем упорхнула, бросив ему под ноги фату.

– И так жизнь была не сахар, а теперь она и вовсе пакостной стала, – заключил он. – Зачем, ну скажи, зачем мне жить? – вновь задал свой любимый вопрос Артемьев.

– Жить надо в любом случае, коли бог так распорядился. Придет время, он сам тебя призовет, а прежде срока, по своей воле, оставлять этот мир никак нельзя.

– Да толку-то от моего пребывания в мире, раз мне свет не мил!

– У каждого свое назначение, – размеренно вещал худож-

ник. – Каждый должен делать в жизни самое большое и лучшее, что он может. Кто способен музыку писать, кто картины, кому дано сады разводить, а кому – детей растить.

– А мне-то что прикажешь делать? Что я могу и, главное, зачем? – Он посмотрел на свои трудовые ладони, пытаясь найти ответ.

– Ты, братец, не приbedняйся. Не старик же ты немощный, и голова у тебя на плечах есть. Захочешь – и горы свернешь, и детей поднимешь. А зачем, спрашиваешь? Для людей! Чтобы твои добрые дела на земле остались.

– Хорошо ты говоришь, правильно. И язык не поворачивается тебе возразить, поскольку ты сам нездоров, а работать продолжаешь. Гляжу на тебя, и мне совестно становится на жизнь жаловаться, и всякие мои беды кажутся мелкими, как песок.

– Любая беда поначалу велика, коли следом вторая не пришла. Время пройдет, сердце твое успокоится. Ты родом откуда?

– Э-э-э... – стал соображать Артемьев. От этого неожиданного вопроса он растерялся. – Из-под Ростова я.

– Я-то вижу, что ты не городской. Поди, душа к природе тянется?

– Это верно. В деревне я вырос, на Дону. Потом в город уехал, рабочим стал. Только не мое это, не привык я жить среди сплошного камня. Я бы в деревню вернулся, но вот Нина хотела в столице жить. Я же все для нее одной, а она...

– Ну, так поезжай на родину, теперь-то тебе что мешает?

– Да сомневаюсь я, что приживусь там. От себя не убежишь. Тоска и там меня найдет. Днем, когда я на работе, среди людей, еще ничего, терпимо, а под вечер, когда остаюсь я один в четырех стенах, хоть волком вой, до того сердце болит.

– Пройдет это, все пройдет, – успокаивал Борис Михайлович. – Юленька, – обратился он к супруге, которая пода-ла к столу новую тарелку ароматных булочек, – принеси мне «Зимнее утро». Оно в гостиной лежит. Ты сама знаешь.

Грациозная темноволосая женщина исчезла в дверном проеме и через несколько минут появилась снова, но уже с холстом в руках.

– Спасибо, милая, – поблагодарил художник жену. Он расстелил на столе холст, который принесла ему Юлия.

Дмитрий обомлел.

– Как у нас, в Верховье, – вымолвил он наконец. – Ближе к марту небо там такое же, ярко-голубое, и солнце палит, как летом, но мороз коварный – как только тулуп скинешь, он тут же и прихватит тебя.

– Нравится? – самодовольно произнес художник. – Я бывал у вас на Дону. Хороши места, хоть самому там жить. Пейзажи – загляденье, и люди приветливые, с широкой душой. Теперь, к сожалению, путешествовать мне стало тяжело. Эту картину я по памяти писал.

– Надо же! – восхитился Артемьев. – А как точно написа-

но, будто с натуры.

Митяй почувствовал необычайную легкость, как в детстве. Он увидел себя там, на этом пейзаже, между сугробами, в валенках и отцовском тулупе. Мать часто посылала его за водой или еще за чем-нибудь по хозяйству. На улице стужа, мороз щиплет нос и щеки, от яркого снега глаза слепит, а в доме тепло и пахнет пшенной кашей. Придешь домой с морозца – и за стол. Молоко и хлеб, горячая каша или картошка из печи, и кажется, что ничего вкуснее этой еды нет. Сидишь в тепле на лавке и смотришь, как на улице играет метелица. Пальцы к стеклу прижимаешь, чтобы оно оттаяло и лучше стало видно, что на улице делается.

Лицо Артемьева просветлело, он даже улыбнулся. Его вдруг так потянуло в родную деревню, что тяга эта оказалась сильнее любой тоски, не дававшей ему покоя в последнее время.

– Забирай, – великодушно произнес художник. – Дарю.

– Мне?! – изумился Митяй. – Это же такая красота!

– Вот и бери себе красоту. Только, чур, уговор! Ты выбираешь дурь из башки и берешься за ум. Поезжай в деревню, семьей обзаводись и наслаждайся жизнью. А я к тебе, даст бог, приеду на пейзажи. Будет у кого остановиться.

– Но как же...

– Поезжай, братец. В городе ты совсем пропадешь, от тоски зачахнешь, а деревня тебе силы вернет.

Артемьев покидал дом Кустодиевых со смешанными чув-

ствами. В душе его появилась надежда на лучшее, в ней словно забрезжил свет, обещавший вернуть его к жизни. Но тут же появился и стыд. Он, молодой, здоровый, живет в мирное время – и раскис, как нежная барышня! Бориса постигла тяжелая болезнь, но он все равно продолжает жить и работать. Этот поразительно энергичный человек оставался веселым, будучи прикованным к инвалидному креслу. Его мучили боли, а он посещал театры и путешествовал по стране. Неудивительно, что его полотна такие яркие, они буквально пропитаны оптимизмом и заряжают жизненной силой.

– Хватит ныть! – сказал себе Митяй. – Надо действовать. Наплевать на все – и работать! Прав художник, не ценим мы то, что имеем. Этак и бога можно прогневить.

«Как хорошо слушать умных людей, как хорошо, что есть такие люди, как Борис Кустодиев», – думал Митяй. Он сидел на лавке в своем доме, в Верховье. Под окном во дворе играл с дощечками трехлетний мальчуган – его сын Алешка, на стене висела картина – пейзаж: зимнее утро. Та самая, которую подарил ему Борис.

Дмитрий Артемьев, как он и обещал художнику, вернулся в свою родную деревню. После смерти матери их дом стоял заколоченным, сад был запущен, в зарослях бурьяна. Митяй работы не боялся, он поправил дом, привел в порядок двор, обжился, оттаял душой и женился на деревенской девке Варваре.

Сердечная рана зажила, не оставив и следа. Митяй даже

забыл лицо Нины, лишь иногда по весне, когда все вокруг расцветало и в воздухе разносился, кружа голову, сладкий аромат черемухи, он иногда вспоминал волнующее чувство прежней безумной любви. Оно было таким далеким, что казалось, будто его и вовсе не было и все это – Нина, несостоявшаяся свадьба, боль, разочарование, – ему пригрезилось.

Теперь, находясь рядом с любимой женой и сыном, Митяй не понимал: как он мог не желать жить дальше?

2009 г.

Вечер закрыл небо над городом темными тучами, оставив между ними узкие щели, чтобы через них смогли просочиться цветные полосы закатных лучей. Арина распахнула окно лоджии и посмотрела вниз, надеясь увидеть знакомый силуэт серебристого автомобиля, но его там не было. Денис не объявлялся уже больше недели, он исчез по-английски, не сказав ни слова. Расстались они, как обычно, и у Арины тогда и мысли не возникло, что эта встреча окажется последней. Сейчас она почти не верила, что Денис приедет, но все же продолжала надеяться. «Почему мне так не везет?!» – хотела закричать она в темноту двора, будто двор мог ей ответить. К горлу подкатила горечь, на глазах выступили слезы и скатились по щекам, оставив влажные дорожки. Арина сжала в ладошке мобильный телефон, с которым она не расставалась ни на минуту. Она ждала от Дениса звонка, хотя знала – он не позвонит. Сама набирала его номер и каждый раз слышала одно и то же: «Абонент временно недоступен».

Арина защелкала кнопками телефона и открыла папку с фотографиями, среди которых была одна – самая дорогая: с экрана на нее смотрел Денис. Она его сняла украдкой, когда он не видел. Иначе он отказывался, отшучивался, мол, он не красавчик, чтобы фотографироваться. Как Арина его ни уговаривала, Денис не соглашался ни в какую.

– Позвони мне, – прошептала Арина. Крупная слеза упала на экран, сделав его изображение мутным. Ей показалось это очень символичным: Денис плачет вместе с ней, ее же слезами. Арина сочла это добрым знаком – она вообще верила в приметы, бо€льшую часть которых придумывала сама.

У нее всегда было так: судьба над ней словно издевалась. Подарит вспышку счастья, подразнит перспективами, помянит – и тут же отворачивается. Арина размечталась, представила себе головокружительный роман с Денисом, который обязательно перерос бы в серьезные отношения. В ее возрасте некоторые по второму разу замуж выходят, а у нее до сих пор не было полноценного романа, все как-то мимо-летно и не по-настоящему. Вроде она не уродина и не дура – институт закончила, – а поклонниками ей никак не удастся обзавестись. Мама говорит, что она слишком разборчивая, принца ждет. Какой уж тут принц! Был бы кто-нибудь хороший, не глупый, воспитанный, добрый, ну и любил бы ее, конечно. Разве она очень многого хочет? Ребят неплохих вокруг хватает, да все они либо заняты уже, либо на нее и не глядят вовсе – им тоже, оказывается, принцессу пода-

вай или куклу Барби – с длинными ногами и платиновыми локонами, а что там у нее вместо мозгов – неважно. Арину всегда воспитывали в том духе, что внешность – не главное. Ум, скромность, отзывчивость – вот основные достоинства, по которым оценивают и за которые любят. Она всегда была тихой доброй девочкой, готовой прийти на помощь. Арину любили... мамы подруги и пенсионеры из их двора. Мальчишкам нравились девчонки бойкие и яркие.

Была в их девятиэтажке такая – Ирка. Своенравная, капризная, никогда ничего для других не делала, но ходили за ней ребята толпами и еще дрались между собой. Ирка с двенадцати лет таскала косметику у старшей сестры и одевалась, как взрослая. Стрелки до висков подведет черным карандашом, губы на помадит, нанесет румяна на скулы – в целом жуть, но пацаны на такую дерзкую красоту западали. Юбки Ирка носила короче некуда, они едва стыд прикрывали – так говорили в совете пенсионеров. «Ты, Аринушка, не гляди на нее – Ирка девка непутевая, даром что мать – манекенщица», – внушалось Арине. В совете пенсионеров Ирку считали пропащей, потому что та была из неблагополучной семьи. При матери-манекенщице другой семьи и быть не может! Иркина мама в силу ее возраста давно уже не работала в Доме моды, но старожилы помнили, что она когда-то дефилировала по подиуму, и считали это занятие неприличным. Ирка пошла в мать – такая же высокая и стройная. Арина сначала к Ирке относилась с сочувствием. «Непутевая», –

повторяла она высказывания членов совета. Потом – с завистью: уж очень все складно было у «непутевой»: в компании она – заводила, все хотят с ней дружить, Ирка – словно королева со свитой, а у нее, такой правильной и хорошей, всего одна подруга, такая же тихоня, как и она сама. Арина до дрожи в острых коленках хотела походить на Ирку. Пусть ее считают безнадежно пропащей, непутевой, какой угодно, лишь бы получить то, что имеет Ира! Хоть ненадолго, на совсем крохотный промежуток времени, взойти на престол и царствовать.

Арина как-то прочла в одной книжке, что нужно представлять себя в желанном образе, чтобы стать такой, какой ты хочешь. Она стала воображать себя Иркой, дерзкой и красивой, мысленно произносила ее фразы, тайком от строгих маминых глаз неумело наносила макияж. Она уже почти стала другой, почувствовала, как меняется внутренне, и ждала, что вот-вот произойдет перевоплощение из зажатой нескладной девчонки в привлекательную девушку. Но увы: она подходила к зеркалу и понимала: ничего не изменилось, она – прежняя, средненькая, ничем не примечательная пай-девочка. Угловатое веснушчатое лицо с бледно-розовой полосочкой губ и глазами цвета неба в пасмурную погоду. Мешковатое платье в мелкую клетку ничуть не украшало ее фигуру, называемую мальчиками – «не на что смотреть». Такие платья продавались на каждом рынке, и их носило полшколы. Арине никогда не покупали дорогих красивых ве-

щей. Во-первых, это было непрактично, потому что она еще росла, а во-вторых, на это не было денег. Получая очередную обновку с рынка, Арина думала, что когда-нибудь, став самостоятельной, она будет носить только то, что ей нравится. В мечтах Арина видела себя элегантной, уверенной в себе дамой, у прекрасных ног которой лежит весь мир.

Как ей реализовать желаемое, Арина представляла себе весьма смутно, знала только, что для начала необходимо получить образование. В каком институте обучают на успешных дам, было непонятно. В то время, когда она оканчивала школу, в моде были актрисы, экономисты и юристы. Юриспруденция и экономика казались ей до икоты скучными, а в театральный был слишком большой конкурс, и – как она себя реально оценила – у нее отсутствовал хоть мало-мальский талант. Пометавшись между педагогическим, куда ей настоятельно рекомендовала пойти мама, и медицинским, как ее науськивал пенсионный совет: «Будешь нас, старых, лечить», Арина в итоге оказалась в институте культуры. Ирка в восемнадцать лет вышла замуж за состоятельного бизнесмена, чем окончательно опровергла миф о собственной безнадёжности и вызвала у Арины еще бо́льшее желание подражать ей. «Тоже бы мне замуж выйти!» – мечтала она. Но институт культуры – не то место, где водятся женихи, там вообще учились одни барышни.

Она уже смирилась с тем, что останется одна, или, если ей совсем станет невмоготу, выйдет за любого. Махнула рукой

на свою внешность – зачем прихорашиваться, если по жизни у нее такая невезуха и все равно никто в ее сторону не взглянет. И тут появился Денис – тот, о ком она всегда мечтала! Поэтому просто взять и распрощаться со своей мечтой насовсем Арина не могла. Сейчас ей, как никогда прежде, требовалась моральная поддержка. У кого ее искать? У мамы – исключено. Она не то что не поймет, не станет и слушать, оборвет дочь на полуслове и посоветует ей выбросить дурь из головы. Ей не объяснишь, что Денис – тот единственный, ее шанс и судьба. Они с мамой из разных поколений, воспитанные в разные эпохи, и потому – словно с разных планет. На следующий день после знакомства с Денисом Арина все же не удержалась и рассказала о нем маме.

– Он такой восхитительный! Высокий, галантный, безумно красивый, благородный, умный, внимательный, добрый... – Глаза Арины сияли, и сама она была счастлива, витая в своих розовых мечтах.

– Ясно. Принц на белом коне, – скептически резюмировала мать. – Сколько можно верить в сказки? Это только в кино успешный красавец подбирает на улице просто одетую девушку и превращает ее в королеву. В жизни богатый всегда выбирает богатую, а нам, бедным, можно рассчитывать только на такую же голытьбу. Если не возьмешься за ум, останешься одна.

Задушевной подруги, такой, которой можно рассказать обо всех своих переживаниях, у Арины не было, а пережи-

ваний у нее скопилась уйма. Арина попыталась вести дневник, обзавелась для этого красивой общей тетрадью, но, открыв ее, поняла, что не знает, с чего начать, и тетрадь так и осталась нетронутой.

Арина верила в сны и гадания, в последнее время особенно. Одна девушка на их курсе как-то рассказывала, что ходила к гадалке, чьи предсказания сбылись в точности. Арина тогда записала адрес гадалки, но не пошла – денег не было. С той поры прошло немало времени, но адрес у нее сохранился. Она поискала его в записной книжке – так и есть: улица Полярников, 19, квартира 84. Есения. Тут же – телефон.

Она не очень надеялась услышать ответ, подумав, что салон давно закрылся или переехал.

– Слушаю. – Голос был тихий, слегка приглушенный. Есения еще не представилась, но Арина не сомневалась: ей ответила гадалка – они говорят именно такими голосами.

Арина немного огорчилась тем, что на прием к Есении оказалась большая очередь и ей назначили только на конец недели. Заветного дня она ждала с нетерпением, словно визит к гадалке должен был чудесным образом разрешить все проблемы.

– Красное покрывает черное, черви к червам, трефы к пикам. Сейчас, моя яхонтовая, все расскажу, как жизнь сложится, судьба кружевом сплетется.

Арина заворуженно смотрела, как в длинных пальцах гадалки мелькают карты. Услышанная от Есении ее собствен-

ная история недавней неудачи в любви заставляла Арину верить ей.

– Ты не в ладах с близким человеком. Сама понимаешь, что тебе добра желают, а перечишь и злишься. Это, должно быть, женщина в возрасте, светлоглазая, русоволосая. – Есения положила на стол червовую даму. Арина вздрогнула: так и есть – это мама, в последнее время они с ней постоянно ссорятся. И как после этого не верить в гадание?!

– Это не я все знаю, а карты. Они многое видели и никогда не ошибаются и не врут, – словно прочитав ее мысли, завила Арина Есения. Она откинула с лица пышный курчавый локон и пронзила ее взглядом блестящих черных глаз. Пламя свечи плясало на сквозняке, многократно отражаясь в зеркалах. Арина едва не вскрикнула: неожиданно ее ног коснулось что-то мягкое.

– Не пугайся, это Колдун, – пояснила гадалка.

Вальяжный черный котище грациозно прошелся под столом, прыгнул на колени к Есении и, не обращая внимания на занятость хозяйки, стал тереться о ее плечо.

– Недавно в твоей жизни появился коварный человек. Он выдает себя не за того, кто он есть на самом деле. Душа у него черная, он тебе принесет боль и разочарование. Ты возложишь на него большие надежды и будешь очень переживать, когда они рухнут. Впереди у тебя черная полоса, отчаяние и слезы. Но надо переждать, пока тучи не разойдутся и выглянет солнце.

– Но как же?! – пролепетала Арина. – Денис не может причинить мне зла, он не такой! У него, наверное, сейчас какие-то неприятности, но они пройдут, и мы снова будем вместе. – Она говорила, держа в дрожащих ладошках мобильный телефон с фотографией любимого на экране. Арина пришла сюда, чтобы услышать, что все у них с Денисом будет хорошо, он обязательно вернется и они поженятся, а вместо слов утешения гадалка сказала ей обратное.

Арина в отчаянии затараторила, ее голос дрожал и сбивался. Она рассказала все: как они познакомились с Денисом, как ходили в ресторан и в кино и как она потом вынесла из музея картину... Есения внимательно слушала, она знала, что клиентке прежде всего надо выговориться. И чем больше она расскажет, тем легче будет составить предсказание.

Как только Арина появилась на пороге, гадалка сразу опытным глазом определила, с чем та пришла. У девушки беда личного характера, скорее всего, разочарование в любви. Есения не ошиблась, так и вышло: мужчина ее помотрсил и бросил. В ее салон постоянно приходят барышни с одними и теми же проблемами. Разве что у Арины все обстояло гораздо хуже.

– Это не твой человек, – произнесла Есения, взглянув на снимок объекта грез клиентки. – Нет любви, ты ее сама придумала. Ты ему не нужна, не жди его и забудь о нем. Все твои беды – из-за картины. Она притягивает одну неприятность за другой, и они будут расти, как снежный ком. Склоки дома,

неудача в личной жизни – и это только начало. Если картина не вернется на свое место, тебя ждут огромные проблемы, тебе не будет покоя ни днем, ни ночью. Она будет терзать твою совесть и полностью завладеет твоими мыслями, проникнет в твои сны и станет постоянным кошмаром. Думай, как исправить ситуацию. Пока время на твоей стороне, но его осталось не так уж много.

Салон предсказательницы был обычной квартирой в доме-новостройке конца восьмидесятых годов прошлого века: пятый этаж, замызганный лифт, домофон с продавленными кнопками – ничего выдающегося и экзотического, внутри – типовая планировка курятника. Но все равно, Арину охватила тревога. Она покидала салон Есении с бешено колотившимся от волнения сердцем, пальцы ее дрожали, касаясь перил. Арина спускалась пешком, торопливо перелетая через ступени, ей стало невыносимо душно, хотелось скорее оказаться на воздухе и бежать прочь от этого беспокойного места и пугающих предсказаний гадалки.

В голове ее стучали страшным заклинанием слова: «Все из-за картины». Конечно же! Как она сама не догадалась! Некоторые картины, как иконы, обладают собственной энергетикой. Мастер, работая над своим произведением, вкладывал в него душу. «У каждой души есть ангел-хранитель», – вспомнила Арина лекцию по теологии. Чем светлее и чище душа, тем сильнее у нее ангел. Художник был очень сильным духом человеком, а значит, и ангел у него сильный. И теперь

этот ангел живет в его картинах. Он их бережет, а на того, кто на них посягает, накликает несчастья. Нельзя было брать это полотно! Его место – в музее, и там оно должно было оставаться.

«Что же теперь будет?!» – с ужасом думала Арина. Она шла по улице, не разбирая дороги. Домой ей идти не хотелось. Дома – тоска, и еще мама – с ее поджатыми губами. Накануне они опять поругались, и мама теперь с ней не разговаривает. В тот момент девушка решила, что это даже к лучшему – ей не придется выслушивать очередные нравоучения. Но молчание оказалось намного хуже.

– Эй, осторожно! С дороги! – услышала она чей-то высокий, до визгливости, голос. Подросток на мопеде летел по тротуару. Сворачивать ему было некуда, справа стояли припаркованные автомобили, слева были колдобины. Арина не успела отскочить в сторону и получила сильный удар в поясницу. Она не устояла на ногах и приземлилась на асфальт, ободрав колени и локоть. Подросток растерянно затоптался в сторонке, соскочив с мопеда. Увидев, что девушка жива, он осмелел.

– Смотреть надо, куда идешь, дура! – прокричал он, вскочил на своего «железного коня» и поспешил исчезнуть.

Арина скрючилась от боли. Ссадины сильно кровоточили. В глазах ее заблестели слезы и покатались по щекам. Она утерла их пыльной ладошкой.

Прохожие шли мимо, делая вид, что не замечают ее.

Некоторые брезгливо косились на заплаканную замарашку, и только один человек проявил к Арине участие.

– Идти можешь? Давай помогу, – протянул он ей руку.

Арина подняла глаза и отпрянула: перед ней стояло одетое в лохмотья существо неопределенного пола и возраста. Оно было очень грязным и источало неприятный запах.

– Спасибо. Я сама.

– Ничего, бывает. До свадьбы заживет, – продолжал утешитель. – Вот, приложи подорожник. Еще водкой надо бы раны промыть. – Он протянул ей пузырек с какой-то сомнительного цвета жидкостью.

– Не надо.

– Ну, как хочешь, – обиженно сказало существо и удалилось.

Немного успокоившись, Арина попыталась встать. Раны саднили, поясница болела, и ей самой было так плохо, что она чуть не разрыдалась. Она поискала глазами сумку, но ее нигде не было. А в ней – деньги, проездной на метро, паспорт, ключи от квартиры... Хорошо хоть телефон уцелел. Она его носила в кармане, чтобы не пропустить звонок от любимого. Как теперь ей добираться домой, в другой конец города, без денег и в таком виде?! Звонить и просить помощи? Вот только у кого? Кроме мамы, обратиться ей не к кому. Ах, если бы Денис позвонил... Что скажет мама, когда узнает о потере ключей! Придется менять замки, а у них и так денег нет. Деньги! В сумке было ползарплаты! Арина

вновь опустилась на асфальт и заплакала.

* * *

Тихое утро начала апреля. Мокрая от росы трава в кружевах паутины, голые кусты смородины. Статные рябины, сутулые ели и глянцевая синева озера. Озирая сельский пейзаж, Андрюша умиротворенно улыбался – гармонию он обожал. Он вышел во двор в свитере, отчего быстро почувствовал озноб. Прозрачный холод ранней весны, солнце, пробивающееся сквозь низкие облака, и разгульный северо-западный ветер. Постояв еще немного, наслаждаясь красотой и свежестью природы, Андрюша вернулся в дом. Он был горожанином и всю жизнь провел в Петербурге, среди серых камней дворов-колодцев, асфальта и автомобильных выхлопов. Его работа системного администратора никак не располагала к пребыванию на воздухе. Несмотря на это, хрупкая душа Андрюши стремилась к единению с природой. В семье, где он рос, никогда не было дачи, и в отличие от своих сверстников, которых трясло от одного упоминания о необходимости поездки за город, он об этом мечтал. И только в двадцать четыре года Андрей Ядов смог приобрести небольшой милый домик с участком.

В свою дачу он влюбился с первого взгляда и ухаживал за ней, как за дорогой сердцу подругой. Отстраивал, ремонтировал, подкрашивал... За два года она преобразилась до

неузнаваемости: двор стал конфеткой, домик – игрушечкой. Андрюша ласково называл его пряничным. Маленький, аккуратненький, с резными ставнями, ярко-морковной черепицей крыши, с котом-флюгером на мачте, дом напоминал декорацию к сказке. Внутри обстановка умиляла своим домашним уютом: занавески в горошек, коврики из цветных лоскутов, вязанные салфетки – все выглядело так, словно здесь хозяйничала женская рука. Но Андрюша не был женат, постоянной подруги он тоже не имел, мама навещала его на дачу примерно раз в полгода, тетка – и того реже. Он занимался домом самостоятельно и единолично, ревниво не допуская чьего-либо вмешательства. Кисти винограда на скатерти вышивал, конечно, не он сам – этого он делать не умел, – все предметы интерьера он покупал, старательно подыскивая такие, чтобы они сочетались друг с другом и отвечали его тонкому вкусу эстета. Он тяготел к стилю «квартира моей бабушки» и обставлял свое жилье в соответствии с ним. Было в этих грелках для чайника, полотенцах, прихватках что-то родное, душевное, напоминавшее детство.

– Цапыч, солнышко, проголодался? Сейчас я тебя покормлю, – обратился он к огромному рыжему коту. Тот лениво выполз из своего гнезда – обшитой плюшем поролоновой корзины-лежанки. Андрюша открыл дверцы шкафчика-пенала и окинул взглядом полки.

– Сегодня у тебя птичий день, – сообщил он, доставая сухой корм с индейкой.

Наполнил мисочки – одну молоком, другую шариками корма – и поставил их перед питомцем.

– Кушай, золотце, – любовно погладил он кота по лоснящейся спинке. Цапыч возражать не стал – он снисходительно позволял хозяину прикасаться к себе. Подошел к мискам и оскорбленно отвернул мордочку: опять одно и то же! Посидев немного, изображая всем своим видом немой укор, кот все же решил сделать хозяину одолжение и отхлебнул молока.

– Вот и хорошо, вот и молодец, – похвалил его Андрюша, наливая себе чай.

Он состряпал яичницу, нарезал салат и устроился завтракать. На столе напротив его тарелки уже сидел Цапыч. Он слизывал повисшие на его усах капли молока и гипнотизировал взглядом хозяйскую еду.

– Ты это не ешь, зайныка, это вегетарианское, – объяснил Андрюша, но кот не отставал.

Не дождавшись приглашения – разделить трапезу с хозяином, Цапыч подошел ближе и сунул нос в тарелку.

– Лучше я тебе сметанки дам, – засуетился Андрюша в ответ на презрительное кошачье фырканье. – На, рыбонька! Сметанка свежая, вчера брал.

Котов Андрюша любил. Цапыч у него появился два года тому назад, сразу после приобретения дачи. Вопреки моде Андрюша не стал покупать котенка, придирчиво перебирая породы. Ему всегда нравились коренастые британцы: плю-

шевые, с плоскими мордочками и мощными лапками. Глядя на них, он думал, что заведет себе именно такого. Но повернулся Цапыч – худющий грязный котенок, и Андрюша не раздумывая взял его. Цапыч был истинным помоечным котом – именно там его и подобрали, что с виду – бандитская рыжая мордочка, несмотря на юный возраст, успевшая обзавестись боевой царапиной, что повадками – он бесцеремонно лазал, где ему вздумается, в грош не ставя запреты хозяина. Андрюша откормил своего питомца до гигантских размеров, и кот стал отдаленно походить на его любимого британца. Цапыч заматерел, он стал вальяжным и еще более нахальным. Шубка его залоснилась, став блестящей и шелковистой, ореховые глазки щурились спросонья, когда его острые уши улавливали звон посуды, которую Андрей ставил на стол. Разомлев на солнце, Цапыч приходил в благодушное настроение и мурлыкал, радуя Андрюшино сердце. Хозяин осторожно чесал коту шейку, и тот мурлыкал еще громче. Эти звуки умиротворяли Ядова и были для него самой лучшей музыкой.

Ядов был мизантропом. Он не доверял людям и считал, что коты гораздо лучше двуногих разумных существ. Впрочем, последних он едва ли считал разумными. Люди – хитрые, жадные, циничные. Запросто предают друг друга, лгут, сплетничают, лицемерят. Другое дело – животные! Все их поступки – настоящие, чувства – искренние. Цапыч – своенравный, независимый, беспокойный и непредсказуемый, он

бывает и сердитым и тогда недовольно машет хвостом и выпускает когти. Может укусить, перегрызть провод, топтаться по клавиатуре, заиграть карандаш и разбросать вещи. Звать его бессмысленно, он приходит только, когда ему самому вздумается. Никогда не слушается и делает лишь то, что хочет, не смотрит преданно в глаза и не «служит». Но он хозяина своего любит – своей, кошачьей, любовью, которая не требует подтверждения ни словами, ни поступками. Ее можно принять такой, какая она есть, не пытаясь переделать ее пушистого носителя.

Себя Андрюша считал лучше многих людей. Он не идеал, конечно, он знал о своих недостатках, но их у него было меньше, чем у других. Ядову нельзя было отказать в объективности: он был умен, интересен, обаятелен, не лишен хороших манер, умел быть милым и внимательным. То, что Андрюшу часто не замечали в коллективе, вовсе не означало, что он лишен достоинств, которые привлекают людей. Он просто не нуждался в популярности.

* * *

– Какое необычное у тебя имя – Есения, – сказал Андрюша, задумчиво ковыряя вилкой в салате. Он испытывал неловкость: со своей спутницей он был знаком давно, но увидел ее всего полчаса назад. Среднего роста, удивительно тонкая, почти прозрачная; темно-каштановые волосы с выкра-

шенными в багряный цвет отдельными прядями, оливковая кожа, чувственные губы нежного розового цвета и черные угли глаз с адской искоркой на дне.

– Цыганское, – пояснила девушка, лукаво улыбаясь.

– Ты цыганка?! – удивился Андрюша.

Внешне Есения очень походила на цыганку, но в его сознании укоренилось представление о людях этой национальности, как о кочевниках, или и того хуже – бомжах, которые уж никак не могли выглядеть настолько потрясающе.

– Самая настоящая.

– А чем ты занимаешься?

– Гадаю.

– Как это? – Андрюша почувствовал, что он глупеет на глазах. И, что совершенно некстати, на прекрасных глазах Есении.

– На картах. Пророчу судьбу, говорю, что было, что будет, чем сердце успокоится, – рассмеялась она.

На лице Ядова появилась идиотская улыбка. Эта девушка – просто прелесть! Такая милая, и не поймешь, шутит она или нет. И при этом она так обворожительно смеется! Карты, предсказания... Она, наверное, его разыгрывает. Работает в офисе, секретарем или каким-нибудь менеджером, набирает тексты на компьютере, составляет отчеты, общается с клиентами – словом, выполняет самую обычную работу.

– Я вот тоже гороскоп читаю иногда, – произнес Андрюша для поддержания беседы.

– Гороскоп – штука обобщенная и составляется наобум, без всякой привязки к действительности. Ежедневные астро-прогнозы разнообразием не отличаются – каждый день одно и то же: день удачный для поездок и путешествий, обратите внимание на здоровье и не ссорьтесь с близкими. Универсальный текст – любому подойдет. Совсем другое дело – гадание! «Читаешь» клиента сразу – по внешнему виду, по взгляду, выражению его лица, походке. О прошлом он тебе расскажет сам, настоящее – видно из его настроения, а будущее предсказать несложно, поняв, как он собирается действовать.

– Неужели... – Он запнулся, пытаясь подобрать подходящее слово, но так ничего не придумал.

– Я не шарлатанка, – улыбнулась Есения. – Я никого не обманываю, обещая людям чудесным образом решить все их проблемы. Я помогаю им разобраться в ситуации, оценивая ее незашоренным глазом. Люди отчего-то не решаются обратиться к психоаналитикам, а вот к гадалке пойти – пожалуйста! Я по специальности – психолог, им же, по сути, и работаю.

– Почему же ты не работаешь обычным психологом? Магической атрибутики не хватает?

– Денег, – грустно улыбнулась девушка. – Для достойной оплаты необходимы имя и солидный опыт, иначе можно рассчитывать лишь на место в государственном учреждении вроде школы или поликлиники.

Андрюша был очарован. Есения ему нравилась не только своей внешностью, она была умна, проницательна и открыта: не пыталась выглядеть лучше, чем она есть, и не кокетничала с ним глупым образом, чем окончательно его покорила. Но, помимо этого, было в ней и еще нечто, заметное отнюдь не каждому. Андрюша называл это духовной сущностью, тем, что было куда важнее внешности. И еще она любила котов, а это говорило о многом. Кошачьи, по его мнению, – это не просто отряд представителей фауны, выделенный зоологами, а некая особая каста в животном мире. Грაციозные, с мягкой поступью и независимым характером существа. Не зря их называют духами, спустившимися на землю. Есть в них что-то мистическое, отчего, глядя на них, всегда умиляешься, а то и выпадаешь из времени, попадая под гипноз их завораживающих глаз. Любить кошек может не каждый – не все умеют принимать их такими, какие они есть, с их непростым нравом. Есения не только любила кошек, но и чувствовала их.

С Есенией он познакомился через Интернет, на одном из кошачьих форумов. У нее был роскошный черный кот по кличке Колдун, которого Андрюша видел на фотографиях.

Уже на втором их свидании Есения сказала:

– Хочешь познакомиться с моим Колдушей? Приглашаю тебя к себе, – предложила девушка.

«Да она и правда ясновидящая – мысли читает!» – поразился Андрюша. Только что он подумал, что неплохо бы по-

знакомиться с ее котом поближе. И с его хозяйкой, разумеется, тоже.

* * *

Чем дальше, тем сильнее глодало Арину дурное предчувствие: скоро в ее жизни произойдут крупные неприятности. «Они будут расти, как снежный ком. Склоки дома, неудача в личной жизни – и это только начало», – не давали ей покоя слова Есении. На этот раз к предчувствию присоединился и голос разума, настойчиво твердивший, что исчезновение полотна не останется незамеченным. Требовалось действовать, пока есть возможность сделать хоть что-то, чтобы облегчить свою участь. Вот только что? На этот вопрос вряд ли даст ответ гадание. Ни одни карты не укажут ей верный путь. У самой Арины голова шла кругом и от отчаяния наступал полный ступор. Нужен был человек – умный и рассудительный, который взглянет на проблему со стороны и все разложит по полочкам. Арина в очередной раз мысленно перебрала всех своих знакомых, перелистала телефонные книжки, но того, к кому она решилась бы обратиться за советом, не нашла. Был и еще один аспект. Ее ситуация – весьма щекотливая, о такой всякому не расскажешь, требуется, чтобы разговор остался конфиденциальным. Она и так сболтнула лишнее на приеме у гадалки. Самый лучший вариант, когда можно довериться родителям – у них достаточный жизненный опыт, чтобы

выбрать верное решение, и они желают своим детям только добра, а значит, не сделают ничего, что им навредило бы. Но у нее не тот случай: они с мамой – существа с разных планет. Рассудительные друг или подруга отсутствовали, либо они имелись, но не настолько близкие, чтобы им доверять.

Объявление в районной газете пришлось как нельзя кстати. Его словно ангел-хранитель там разместил и обратил на него ее внимание. Арина никогда не читала бесплатные издания, чьей-то проворной рукой старательно рассовываемые по почтовым ящикам, всегда выбрасывала их, не глядя. А в этот раз, вопреки собственному желанию, отчего-то взяла. Дома открыла, не ожидая увидеть там ничего интересного, листала газету просто так, без всякой цели. Так и вышло: сплошная реклама. И вот среди совершенно неинтересных объявлений обнаружилось одно, напечатанное маленькими буквами на последней, бюджетной странице. Служба психологической поддержки. Анонимно и бесплатно. Раньше подобная служба называлась телефоном доверия. Видимо, ее решили возродить – в рамках социальной программы.

Арина «Телефонам доверия» не доверяла – обращалась уже туда однажды, в тринадцать лет. Свою проблему, кажущуюся ей вселенской по своим масштабам, она тогда не решила, ее даже не выслушали – прервали ее сбивчивый от волнения рассказ, посоветовали выбросить из головы чушь и заняться учебой. Проблема действительно оказалась пустячной, но это лишь спустя годы, а тогда... Из-за ссоры с од-

ноклассниками свет ей был не мил! Потом все само как-то утряслось, конфликт забылся, но из-за равнодушного голоса в трубке остался неприятный осадок в душе. Арина до сих пор его помнила: высокий, бесцветный и холодный – голос Снежной королевы. Набирая номер, она и сейчас ожидала услышать нечто подобное.

Три длинных гудка – и ответ:

– Здравствуйте! Вы позвонили...

Арине захотелось положить трубку – с автоответчиком разговаривать желания у нее не было совершенно, но прежде, чем она это сделала, на том конце ласково прожурчали: «Добрый вечер! С вами говорит психолог Рената Борисова. Я вас слушаю».

От этих слов веяло спокойствием, они были произнесены мягким, теплым голосом, какой бывает у сказочной феи, а никак не у снежной королевы. Арина поняла, что ей не хватало именно этого – чтобы кто-то поприветствовал ее вот так же ласково и доверительно.

* * *

– Он меня бросил! – Крик отчаяния, сопровождаемый всхлипами. – Он сказал, что не любит меня!

– А какой он?

– Он... – В трубке повисла пауза. – Он такой... Замечательный, самый лучший!

И опять хныканье.

Рената терпеливо выслушала девушку, посочувствовала ей, успокоила. К концу их получасовой беседы голос на том конце провода уже звучал ровнее.

– Не расстраивайся. Он еще сам за тобой побегает, – ободрила ее Рената на прощание.

Она положила трубку и взглянула на часы: без двадцати восемь – пора собираться домой. Еще надо зайти в магазин, купить сыр к завтраку, чай тоже закончился.

Рената уже переобулась, как вновь зазвенел телефон. Отвечать на звонок ей не хотелось, поскольку рабочий день заканчивался, а разговор мог затянуться надолго. Звонивший взял ее измором, и ей пришлось принять вызов.

– Добрый вечер! С вами говорит психолог Рената Борисова. Я вас слушаю. – Слова, которые за долгое время работы уже отскакивали от зубов. Рената понимала, что для ее абонента очень важны душевность и внимание, поэтому старалась говорить с особой теплотой, как бы сильно сама ни устала.

Звонила девушка. Теперь уже другая, но с теми же проблемами: разбитое сердце и неоправданные надежды. Но, кроме любовных перипетий, у позвонившей имелись и куда более глобальные проблемы, о которых она упомянула вскользь, ибо на первом месте у девушки была все же любовь.

«Ну вот, еще одна бродящая в потемках душа», – вздох-

нула Рената после часового душеспасительного разговора.

Арина. Двадцать пять лет, а наивная, словно дитя! Жалко ее, вроде она девушка неглупая, просто доверчивая, отчего и пострадала. Подруга ей нужна, чтобы выговориться и совет умный услышать. Успокоить ее, похоже, немного удалось, но одной беседы не хватит, тут случай непростой.

Когда Рената покидала здание центра, где она работала, пошел уже десятый час. В гастроном рядом с домом ей не успеть, придется либо выходить на остановку раньше, чтобы попасть в круглосуточный супермаркет, либо остаться без завтрака. Ни та, ни другая перспектива не радовали: без утреннего чая с сыром она жить не могла, но и топать три версты в магазин у нее уже сил не осталось. Усталость была сегодняшней, а голод предстоял с утра. Рената проводила взглядом огни супермаркета, проплывающие за стеклом маршрутки, коря себя за то, что она не покупает продукты впрок, как все нормальные люди. Но то люди, а это она.

С детства не такая, как все: затравленное, страшненькое существо. Угловатая, нескладная девочка, очкарик с жидкими косичками, одетая всегда не по росту. Она старалась держаться особняком, с тоской поглядывая на общее веселье, и очень боялась привлечь к себе чье-либо внимание, чтобы не вызвать волну новых насмешек. Когда-то давно, когда Рената была еще совсем маленькой и не знала о своем несовершенстве, она была счастлива. Но настал день, когда ей открыли глаза и объяснили, кто она есть в этом мире. Сначала

это было злое слово «очкарик», брошенное ей таким же карапузом, как и она сама, на детской площадке. Тогда вся малышня засмеялась и дружно принялась ее дразнить. Рената не сразу поняла, что обидные слова относятся именно к ней, и смеялась вместе со всеми. Позже добавились другие злые клички, сопровождаемые пинками и швыряниями камнями с песком. С каждым днем вражда к ней со стороны прочей ребятни усиливалась – детям пришлось по вкусу жестокая игра.

Рената уже давно не гуляла на детской площадке, она и ее сверстники стали старше, их игры – жестче, обиды – больнее. На школьных праздниках Рената особенно остро чувствовала свою ущербность, поэтому старалась их избегать. Все веселятся, танцуют, а ее в компанию не принимают – потому что она уродина. Кто отважится такую пригласить на танец? Смельчаков не больно-то много найдется. Нет, лучше держаться от убогой подальше, чтобы не засмеяли.

Не родись красивой... Рената опровергала своей персоной все поговорки, связанные с достатком, счастьем и красотой. Редкие пегие волосы, оттопыренные уши, узкие губы, нескладная худощавая фигура и ноги-спички. Но все недостатки ее внешности меркли, на них никто больше не обращал внимания, увидев глаза Ренаты. Из-за них ее всегда замечали в толпе, оборачивались, разглядывали. Светло-серые, с приподнятыми вверх уголками – «два бриллианта в три карата». Именно в три, никак не больше – глазки были

невозможно маленькими. Издеваются над рыжими, толстыми, очкастыми, лопоухими – над теми, у кого явно выражен какой-либо изъян. При столь пышном букете «подарков» природы Рената была обречена на издевательства сверстников. Сначала ей было ужасно обидно. Когда ее дразнили, она убегала прочь и ревела, проклиная свою горькую судьбу. Потом привыкла, боль от моральных страданий чуть притупилась, но ей по-прежнему было скверно и одиноко. Она сидела в сторонке и смотрела на своих беззаботных сверстников. Чтобы как-то развлечься, Рената придумала для себя игру в спектакль, где она – зритель, мир – сцена с декорациями, окружающие люди – актеры. Она стала очень внимательным зрителем, который не только замечает поступки людей, но и может их объяснить, а то и спрогнозировать. Рената мало говорила и много думала. Собеседников у нее почти не было. Почти – потому что один все-таки нашелся – приятель, с которым они иногда болтали.

В школе отмечали Новый год. Нарядная елка, гирлянды огней, старательно украшенные детьми классы, окна в бумажных снежинках и узорах акварелью – накануне праздника все было очаровательно-волшебным и обещало сказку. Радостные ученики, веселые учителя – даже взрослые почувствовали себя в чем-то детьми и ждали чуда. Малышня с визгом носилась по коридорам, предвкушая обещанный им утренник с подарками, средние классы ждали начала дискотеки – шумной, озорной, похожей на взрослую, но все же еще

детской. У старшекласников все было иначе. Тайные симпатии, робкие взгляды, смущенные улыбки – хрупкий мир первой любви: нежной и настоящей. Рената тоже была влюблена, чуть-чуть, самую малость, в своего единственного приятеля.

Ромка доверительно разговаривал с ней и так смотрел в глаза, что казалось, он видит ее душу и совсем не замечает ее некрасивости. Он понимал ее лучше других, хоть Рената и не испытывала в этом потребности, ей было достаточно того, что она сама прекрасно понимала окружающих. Ромка Фролов, воспитанный и утонченный. Он играл на скрипке и носил очки. Его называли Паганини. Нет, не дразнили, а именно называли. Роман не обижался, он был интеллигентен и стоял выше прозвищ. К тому же в этом своем прозвище он видел комплимент. Ромку в классе любили настолько, что прощали ему дружбу с Ренатой.

Вечером перед каникулами намечался «Огонек» – дискотека в актовом зале и чаепитие со спиртным, как и полагается в пятнадцать лет. В этот раз Рената решила прийти. Хотелось забыть старые обиды и верить, что ребята повзрослели и она для них больше не предмет для насмешек. Хотя бы в этот вечер пусть все будет не так, как всегда! Или ладно, пусть смеются и избегают ее, но ведь у нее есть друг, и он умнее и взрослее всех ее однокласников, хоть ему тоже всего пятнадцать. Он-то с ней будет вести себя нормально, как с человеком, а не как с изгоем! Если не кривить душой,

то только ради него Рената и отважилась выйти в свет.

Она выцыганила у мамы платье. Пестрое, бархатное, с кружевным воротником, мама все равно его не носила – куда ей его надевать? Ей, Ренате, такая красота – в самый раз. Ушила его в талии, укоротила подол, получилось прелесть, а не платье! Накрутила жидкие кудри, сбрызнула лаком для волос челку, пока мама не видела, вылила на себя ее флакон духов «Дзинтарс» и впервые подкрасила глаза. Долго мучилась, что обуть: удобные туфли-лодочки или новые босоножки? Отважилась на босоножки на тонком каблукке, чтобы быть совсем неотразимой. Одна беда – ей никогда раньше не доводилось ходить на каблуках, и пройтись на них впервые оказалось непросто. «Ничего, как-нибудь справлюсь», – решила она и взяла с собой босоножки.

Уже одно ее появление на школьной дискотеке вызвало фурор. После некоторого оцепенения девчонки зашушукались, откровенно разглядывая Ренату. Мальчики удивились не меньше, отреагировали оживленнее. Послышались смешки и глупые возгласы.

Рената – в потрясающем бархатном платье, болтающемся на ней, как на вешалке! На голове – неестественный начес, щедро залитый лаком с блестками, потекшая по щекам тушь. Она, чудом не спотыкаясь, шествовала по коридору в туфлях на высоких каблуках и не обращала внимания на всеобщий ажиотаж. Танцы вмиг прекратились – народ принялся тарашиться на вошедшую, и лишь по-прежнему грохотала

музыка.

В актовом зале, где проходила дискотека, Ромки не было. Очень жаль, она так мечтала с ним потанцевать! Оставалась надежда найти его в классе. Там тоже устраивали дискотеку, но уже не такую масштабную. Так и вышло: Фролов с другими ребятами сидел в классной комнате за столиком из сдвинутых парт, накрытых бумажной скатертью. Здесь реакция на ее появление оказалась спокойнее – основные заводицы еще не пришли. Рената заулыбалась и направилась к столику, к Ромке, развлекавшему двух барышень. Она села на свободное место – напротив Фролова, рядом с безобидным Славиком. Оглянувшись, тот на всякий случай от нее отодвинулся. Затянувшуюся паузу прервали возгласы ввалившейся в класс толпы. Ребята вернулись из актового зала, чтобы перекусить и продолжить веселье в своем классе.

После распития бутылки «Киндзмараули», замаскированной под вишневый сок, ребята раскрепостились, начались игры и конкурсы. Наконец настал самый волнующий момент – дискотека! Зазвучал нежный голос Селин Дион, приглашая на медленный танец. В полумраке закружили пары – вмиг посерьезневшие мальчики, кокетливые девочки... Рената осталась за столиком одна. «Будет еще один медленный танец, и меня обязательно пригласят», – успокаивала себя девушка. Но ни сейчас, ни позже никто не спешил ее приглашать. Ромка отдалился от нее, он перекочевал за соседний столик и уже развлекался в другой компании. О ней все

забыли, словно ее и не было. Иногда Ренате так и казалось, что ее нет вообще, она – призрак, который все видит и слышит, но его самого не видит никто. Она уже собралась уходить – встала, рассеянно оглянулась вокруг, чтобы безмолвно попрощаться со своей несостоявшейся мечтой, как тут ведущий объявил белый танец. «Это – шанс», – поняла Рената. Под лежащий камень вода не течет, надо действовать. Где Ромка? Но она не успела – Фролова уже пригласили. «Что же, мне – море по колено!» – подумала Рената. Она отчаянно двинулась сквозь толпу и подошла к самому красивому мальчику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.